

СМИРНОВ СЕРГЕЙ АЛЕВТИНОВИЧ

Ведущий научный сотрудник Института философии и права СО РАН,
доктор философских наук.
Новосибирск. Россия.

Главный редактор гуманитарного альманаха
«Человек.RU»

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

УДК 101.9

ПЕНТЕКОНТЕРА ГЕОРГИЯ ЩЕДРОВИЦКОГО

**Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 19-011-00124
«Философская автобиография как метод антропологической навигации»**

Аннотация. В статье предложена версия авторского осмысления автобиографического опыта, который проделывал в своей жизни философ и методолог Г. П. Щедровицкий. На материале этого опыта автор предлагает одновременно выработать определённый методологический конструкт той культурной формы, которая называется интеллектуальная (философская) автобиография. И какова в ней видится ключевая, искомая единица, из которой состоит автобиография. Таковой единицей автор видит событие (ситуацию) самоопределения. На жизненном и методологическом материале и осмыслении разных версий автобиографического дискурса, который выстраивал Щедровицкий, автор показывает то, как он осмысливал свое место в истории, какую жизненную стратегию выстраивал и какие требования предъявляя в этой связи к другим, соратникам и ученикам, предъявляя свою методологическую оптику на автобиографический дискурс. Материал биографии Щедровицкого фактически показывает опыт жизни в интеллектуальной аскезе, хотя и не в категориях религиозной монашеской аскезы. Показано то, как методолог и философ выстраивал свою ситуацию самоопределения в культуре и в истории, проявляющиеся в конкретных жизненных ситуациях. На примере спора и жизненного конфликта показано различие самоопределения разных философов, в том числе на примере сравнения позиций Г. П. Щедровицкого и А. А. Зиновьева.

Ключевые слова: автобиография, методология, философия, событие самоопределения, жизненный путь, Г. П. Щедровицкий, Московский методологический кружок, А. А. Зиновьев.

© Смирнов С. А. 2020

Sergey A. Smirnov

Institute of Philosophy and Law SB RAS. Novosibirsk. Russia

E-mail: smirnoff1955@yandex.ru

PENTEKONTERA of GEORGE SHCHEDROVITSKY

Abstract. The article proposes a version of the author's interpretation of the autobiographical experience that the philosopher and methodologist G.P. Shchedrovitsky did in his life. On the basis of this experience, the author proposes to simultaneously develop a certain methodological construct of that cultural form, which is called intellectual (philosophical) autobiography. And how is it seen as the key, sought-for unit that makes up the autobiography. The author sees the event (situation) of self-determination as such a unit. Using vital and methodological material and comprehension of different versions of the autobiographical discourse that Shchedrovitsky built, the author shows how he understood his place in history, what life strategy he developed and what requirements in this connection he made to others, companions and students, while presenting their methodological optics to autobiographical discourse. The material from the biography of Shchedrovitsky factually shows the experience of life in intellectual asceticism, although not in the categories of religious monastic asceticism. The article shows how the methodologist and philosopher built their situation of self-determination in culture and history, manifested in specific life situations. On the example of a dispute and a life conflict, the difference in self-determination of different philosophers is shown, including the example of comparing the positions of G. P. Shchedrovitsky and A. A. Zinoviev.

Keywords: autobiography, methodology, philosophy, event of self-determination, life path, G. P. Shchedrovitsky, Moscow Methodological Circle, A. A. Zinoviev.

DOI: 10.32691/2410-0935-2020-15-54-99

Для меня нет ничего предельней личной свободы
Г. П. Щедровицкий

Георгий Петрович Щедровицкий выступает для меня абсолютно чистым, предельным воплощением свободной Личности, рафинированным эталоном человека, отдавшего свою жизнь служению Истине. Это служение выстраивалось по классическим канонам интеллектуальной, духовной аскезы.

Можно сказать, что его Личность является предельным воплощением фигуры Автора, а стало быть – собственной Автобиографии. Да, он не писал привычных автобиографий и мемуаров. Но с другой стороны, он только и делал, что предъявлял собой, своими действиями, своими текстами то, что называется актами мысли и действия, показывая выплавленную в одном куске амальгаму своей личности.

Для начала несколько слов о специфике материала. Да, ГП¹ не писал автобиографии. Равно как и не писал мемуаров, не вёл личный дневник частной жизни. Но мы имеем в своём распоряжении большое количество материалов,

¹ «ГП» – известно, что так звали Щедровицкого его ученики и соратники. Так повелось со времен зарождения Московского логического (позже – методологического) кружка в самом начале 50-х. Мамардашвили звали «Грузином». Грушина прозвали «Гвагисом». Зиновьева звали «Учителем», а Щедровицкого «Гэ-Пэ» [Грушин 1994: 21] Для краткости и ввиду частого упоминания имени Г. П. Щедровицкого будем писать так и мы.

которые показывают, что он всегда вёл Большой Разговор от первого лица в пространстве истории. Многостраничные лекции об истории ММК² в их разных вариантах опубликованы. И это уже предъявляет определённую специфику и требование к нашей работе.

Итак, первое. Мы имеем многостраничный устный дискурс о себе и истории своего Дела, дела жизни. Дискурс, рассказ, длиной в саму жизнь.

Второе. Большой разговор вёлся почти всегда в публичных жанрах: разговоры, интервью, лекции, выступления, доклады на семинарах и конференциях. Эти записи расширялись и затем публиковались.

И третье. Все его выступления суть речь от первого лица. Рассказывая об истории ММК, он всегда рассказывал о своём личностном становлении, предъявляя свою позицию. И никак иначе. Эти истории были не анонимными и абстрактными разговорами об идеях или концепциях, витающих в чьих-то умах. Все его выступления – это всегда предельно откровенный и честный разговор, жёсткая летопись своих действий, своих мыслей, от первого лица.

Попытаемся осмыслить то, как рассказывал миру и самому себе публично ГП про свою жизнь. Понимая то, что он это делал многократно, разобьём эти рассказы на жизненные эпизоды, на версии, пытаясь отделять собственно личную рефлексивную историю Автора и историю Кружка, хотя зачастую это бывает трудно сделать. Но всё же мы пишем здесь не историю отечественной философии и не историю ММК, а пытаемся рефлексивно осмыслить автобиографический опыт Щедровицкого, понять то, как он сам осмыслял свою собственную жизнь.

Итак, версия первая, наиболее полная.

Версия 1980-81 г.г.

Самоопределение: жизнь интеллектуального аскета в советскую эпоху

Это наиболее развернутые и единственные именно автобиографические интервью. ГП их дал вообще-то по случаю, по просьбе Н. Щукина, участника его семинаров [Щедровицкий 2001]³. Они настолько вдохновенны и откровенны, что даже не читаются, а выпиваются залпом и воспринимаются как головокружительный захватывающий детектив. С другой стороны, вообще-то все его тексты автобиографичны, как автобиографичны мысль и действие большого Автора. Они не отрывны от живой личности автора. И в целом, забега вперёд, скажем вслед за ним: Методология – это Г. П. Щедровицкий. Это не концепт, не теория, не учение. Это опыт мысли и действия личности по имени «Г. П. Щедровицкий». Это его особый *способ жизни*, о чём он сам недвусмысленно, неоднократно и жёстко говорил, предъявляя эту позицию как требование и к своим соратникам и ученикам.

Понимая всю сложность автобиографического дискурса, ГП с этого фактически и начал свой разговор с Н. Щукиным. Он сразу развёл два плана: жизнь идей

² Московский методологический кружок. Далее – Кружок.

³ См.: «Я всегда был идеалистом» [Щедровицкий 2001]. Заметим, правда, что эти интервью самим ГП для публикации не предназначались. В этом признаются его издатели. И тем не менее, понимая значимость этих разговоров ГП о себе, издатели решились на этот шаг, опубликовав их отдельным сборником. При этом аудиозапись не сохранилась. Публикация делалась по машинописной расшифровке.

и жизнь людей. Про что рассказывать? То ли рассказывать про историю идей и пытаться осуществлять их реконструкцию? То ли рассказывать про людей и уходить в мемуар, в анекдоты и разные личные истории и сплетни?

Правда, возникает вопрос: почему, когда говорят о воспоминаниях про людей, то сваливаются в анекдоты и сплетни? Что, человек, его жизнь, состоит из анекдотов? Или мы только их и помним? И не умеем различать байки и реальные поступки? Или просто не умеем рассказывать про самих себя? Если мы уберём анекдоты, то нам больше нечего будет рассказывать? Останутся голые идеи? Как будто они сами витали в воздухе. Как будто они не вырабатывались конкретными людьми в конкретной и весьма жёсткой борьбе. А если будем рассказывать про людей, то почему мы сваливаемся в байки, анекдоты, сплетни?

ГП вообще-то тут же ответил на этот вопрос. Да, потому у нас остаются байки с анекдотами, потому что подлинных людей, которые бы служили науке, истине, очень мало. А большинство людей живёт коммунальными, конъюнктурными интересами, борются за звания, награды, премии, за место под солнцем, строят политические отношения друг с другом, выгадывают и высматривают⁴. Потому про них только анекдоты рассказывать и можно [Щедровицкий 2001: 9-10]. Больше-то ничего в памяти не остаётся.

Мало тех, кто служит! Мало тех, у кого их личная жизнь сливается со служением науке. У большинства людей на первом месте стоят другие вполне мирские интересы – коммунальные, материальные, бытовые, престиж, имя и проч. Это суждение ГП – сугубо авторское, то есть, это суждение про себя самого. Такие редкие люди, служившие Истине, выстраивали монастырь в миру и служили некоему Пределу, называя его по-разному: Бог, Истина, Благо.

И ГП с горечью признаётся, что ему не повезло на настоящих людей науки. Их в его жизни всего и было-то несколько. От силы 3-4. Это те, кто «никогда не жертвует научной истиной». Большинство же подчинило свой научный поиск иным приоритетам – «коммунальным, социальным, политическим ситуациям», а потому фактически занимались имитацией, мелкой политикой, политиканством. А потому мне, говорит ГП, бросался в глаза «гротескный, пародийный даже характер их действий» [Щедровицкий 2001: 13]. Потому и возникает желание рассказывать анекдоты и байки про таких имитаторов.

Этим зачином ГП сразу предъясвляет свой способ разворачивания истории науки на своём примере. Что значит рассказывать историю науки, историю жизни учёных? Это значит – не пересказывать анекдоты про учёных и не реконструировать их идеи, а предъясвлять позицию и сквозное действие как некое *credo* жизни. И эту демонстрацию позиции ГП всегда держал и предъясвлял на всех своих лекциях, выступлениях, семинарах, конференциях в течение всей жизни.

⁴ В одной из личных встреч на одном из семинаров (я его проводил в год 100-летия Л. С. Выготского в 1996 г. в Новосибирске) известный психолог Б. С. Братусь рассказывал мне о том, как выгадывал и волновался А. Н. Леонтьев – дадут ему Ленинскую премию за его книгу или не дадут. И как он, Б. С. Братусь, тогда, видя это, сильно удивлялся. Как, такой известный мэтр, живой классик, ученик Л. С. Выготского, волнуется по поводу того, дадут ему премию или нет! На первом месте у него по жизни была мысль о наградах, месте под солнцем, благах и проч. ГП оказался прав. Например, как говорит ГП о А. Н. Леонтьеве: у него не было своей точки зрения и не могло быть. Он исполнял роль, причём с удовольствием, имитируя занятие наукой. Причём, имитировал он от души. Он человек конъюнктурный [Щедровицкий 2001: 13].

Фактически все эти интервью ГП строятся вокруг главного – того Начала, которое, как вулкан, выбросило энергию, и мы до сих пор живём этим началом, кормимся результатами этого взрыва. Это случилось в начале 1950-х. Случилась встреча нескольких людей. И встреча эта была вообще-то событием случайным. Ведь действительно случайно встретились на одном философском факультете эти люди: А. А. Зиновьев, Э. В. Ильенков, Г. П. Щедровицкий, Б. А. Грушин, М. К. Мамардашвили, А. М. Пятигорский, В. В. Давыдов и другие.

Несмотря на разницу во взглядах и разные траектории дальнейшей судьбы, это был фактически единый коллектив по ориентации на жизнь. Все хотели дерзать, нести миссию в мир. И все обсуждали главное произведение, как образец мысли – «Капитал» К. Маркса.

Мы не будем пересказывать давно известные содержательные идеи и концепты Г. П. Щедровицкого, Э. В. Ильенкова или А. А. Зиновьева. Наша задача состоит в другом – показать ситуацию встречи этих людей и то, как разные люди выстраивали разные жизненные стратегии и определяли свои автобиографии. И что и как по этому поводу говорил сам ГП, как он рефлексировал своё собственное Начало. Какова у него была оптика на то, что происходило тогда? Как он определял своё место там и тогда, как он осмысливал Начало?

Так вот. Вернёмся к той ситуации. Изначально эта группа молодых дерзающих людей самими собой, своим поведением запустила в мир особый способ взаимодействия, наиболее адекватный для философских разговоров, став такими московскими перипатетиками. Они могли часами ходить по московским улицам, по станциям метро, заходить в пивные, пить пиво, снова ходить (и ГП даже научился пить пиво, хотя по жизни был принципиально не пьющим и не курящим, в отличие от фронтовиков Зиновьева и Ильенкова). Эти московские перипатетики, не ведая того, фактически повторяли наиболее адекватный способ говорения на философские темы. Закономерным следствием их пешеходных походов становится и форма их самоорганизации – Кружок. Московский логический кружок создавался в 1952 году, затем перетёк плавно в ММК и далее так и существовал как кружок до конца жизни ГП.

Фактически ведь и Венский кружок (к. 20-х – сер. 30-х), и Пражский лингвистический кружок (1926 – 1953) рождались таким же способом⁵. Задолго до этого так же существовал (правда, недолгое время) Бахтинский кружок (1919 – к. 20-х). Как сугубо неформальное собрание собеседников, интересных друг другу. И в том числе потому, что в академических и официозных кругах живая мысль не задерживалась или просто запрещалась.

В это время удивительным образом совпали – ситуация в стране (март 1953 г. – смерть Сталина), ситуация на факультете, приход молодых и дерзающих на факультет, встреча духовных лидеров, и личная биография ГП. Он был морально и лично готов к этой встрече, хотя она и произошла случайно.

ГП с самого начала своего обучения на физфаке, затем на философском факультете, куда перевёлся после 3-го курса физфака на второй курс философ-

⁵ Подобные институциональные формы, такие, как научные кружки, рождались сугубо в инициативном порядке конкретными людьми, которых объединяли общие научные, философские интересы, общие идеи и ценности. И главное – личностная энергетика основателей и лидеров. Как правило, с уходом лидера кружок распадается. Заметим, что ММК фактически продержался гораздо дольше других. С 1952 до конца 80-х. Почти 40 лет.

ского (в 1949 г.) пытался внедрить эти неформальные способы общения – семинары, кружки. Они собирались, распадались, снова собирались в другом составе, снова распадались. Эти формы жили сугубо на конкретных личностях, сильно рискующих учебой, карьерой и работой. Вот такой я был «целостный дурак», характеризовал себя ГП, рассказывая то, как он, сильно идейный и активный, пытался действительно следовать заветам классиков марксизма-ленинизма и сознательно строил социализм на отдельно взятом философском факультете. И как у него при этом ничего не вышло.

После неформальных разговоров с Зиновьевым и Ильенковым, после их московских прогулок и посиделок на квартирах и в пивных, рано или поздно это должно было воплотиться в какие-то формы. Так в 1955 г. начал работать семинар по логике и методологии. Он работал один год, затем его закрыли⁶. В результате само поле философских и логических проблем для меня на философском факультете было закрыто окончательно, констатирует ГП [Щедровицкий 2001: 30]. После этого была попытка собрать семинар на дому. Обычная в то время практика. Собирались дома у ГП⁷. Разрабатывали что-то вроде системного подхода, про системные исследования американцев ещё пока ничего не знали. В целом семинар был по своему материалу, тематике, семинаром по психологии. Но по задачам фактически был посвящён выработке первых подходов по методологии науки, а психология выступала материалом, областью приложения. Но ГП ставил и другую главную задачу (которую никто не ставил): *собрать мыслящих людей*, мыслящих психологов, которые могли бы обсуждать методологические основы науки (на материале психологии) [Щедровицкий 2001: 33]⁸.

Заметим пафос действий ГП: для него в его рассказе 1980 года изначально главной задачей была задача по собиранию мыслящих людей. А уже потом – разговоры про науку. Если человек не выдерживал интеллектуального (шире – жизненного) натиска и напора на такое самоопределение – он уходил. И именно потому, что не воспринимал методологию как способ жизни. Не брал на себя методологию как жизненное задание, как экзистенциальный вызов, в отличие от ГП.

Но вернёмся к событиям тех лет. Постепенно семинар по психологии из домашнего стал развиваться в формат, который требовал институционализации и легализации. Молодые люди стали искать себе куратора. И обратились к А. Н. Леонтьеву, чтобы он курировал как мэтр этот семинар, и тогда он бы шёл легально, на философском факультете. Началось это в 1957 году⁹.

⁶ МЛК работал в 1952-1958 г.г. по воспоминаниям И. С. Ладенко. Собирались еще студентами. ГП в 1953 г. закончил философский факультет и работал учителем логики и психологии в школе (ещё со студенчества).

⁷ Или дома у жены известного психолога Я. А. Пономарева – Т. Розановой.

⁸ В этих собраниях семинара участвовали также В. Давыдов, Э. Соловьев, В. Садовский и др.

⁹ На семинар, кроме названных, также ходил и Э. В. Ильенков. К великому сожалению, они разошлись концептуально с ГП. Хотя то, что потом делал Э. В. Ильенков в Загорске со слепоглухонемыми детьми вместе со своим другом и соратником А. И. Мещеряковым, ложилось полностью в русло идей культурно-исторической психологии Л. С. Выготского. Этим экспериментом Э. В. Ильенков стал заниматься с конца 60-х до своего ухода из жизни в 1979 г. ГП про это ни словом не обмолвился. Нигде. Жаль.

ГП сразу решил взять быка за рога – предложил сквозной темой взять программу изучения наследия Л. С. Выготского. Это была ситуация-тест. Этой темой тут же все и проверялись. А. Н. Леонтьев назвал это глупостью и призвал заниматься конкретными узкими вещами. А на семинаре обсуждались базовые темы, например, что есть мышление. На эту тему ГП и сделал ключевой доклад. Доклад был сделан в духе А. фон Гумбольдта об онтологическом представлении мышления как культурно-историческом процессе. Согласно немцу, полагал ГП, не человек овладевает языком, а язык человеком, человек становится орудием языка. Также и мышление: оно вовсе не порождается у человека в его голове, а проходит через него, через его голову неким потоком, преобразуясь в ней. Мышление выступает как субстанция. В этом смысле мыслит не человек, мыслит мышление. И в этом, полагал ГП, и состоял подход Л. С. Выготского [Щедровицкий 2001: 37]¹⁰.

Этого не мог вытерпеть А. Н. Леонтьев. На этом семинар и прекратился. Молодые семинаристы помыкались и обратились в итоге к другому психологу П. А. Шеварёву. Этот эпизод в рассказе ГП весьма знаменательный и символичный. П. А. Шеварёв был учеником Г. И. Челпанова. А тот в свою очередь был учеником В. Вундта. Через два рукопожатия ГП здоровался с Вундтом, основателем экспериментальной психологии. Вот на таких личностных эстафетах и строится наука и биография философа и учёного. Она строится как такая живая эстафета от имени к имени, как личная связь. Но не коммунального типа, не как групповой сговор, а как духовная связь, выражающаяся в одинаковом отношении к делу, к науке, к истине. Это связь служения, в котором личная жизнь и занятие наукой соединены в единой судьбе. Это то, что не держали ученики Выготского. То, чего не держат и ученики ГП.

П. А. Шеварёв тут и высказал ГП своё отношение к ученикам Выготского (Леонтьев и др.): он не любит учеников Выготского. А что такое? – спросил его ГП. Да они как «одесские фарцовщики», ответил Шеварёв: это «группа, для которой нет истин, для них есть только “наш” или “не наш”, свой, принадлежащий группе, или чужой» [Щедровицкий 2001: 50].

Эту тему ГП и заявил в самом начале своих интервью. Шеварёв эту позицию и предъявил. Для ГП он был одним из немногих людей, повлиявших на него как личность, не как учёный, своими идеями, а как личность – своей позицией. На этом примере, на примере отношения к науке Шеварёва, его учителя Челпанова, ГП показывает принципиальную разницу поколений – того, старого, дореволюционного, и нового в лице учеников Выготского (не самого Выготского, которого его же ученики предали). Этому, конечно, есть объяснение, замечает ГП. Этих учеников Выготского долго били, они вынуждены были как-то выживать, защищаться. В итоге в их позиции стала преобладать сугубо политическая, коммунальная идеология. Наука ушла на второй план.

¹⁰ Заметим, что у самого Выготского сказано ровно наоборот: «не мышление мыслит, а человек. Но какой?» [Выготский 1986: 58-59]. Оставим это для отдельного разговора. Известно, что цитировать Л. С. Выготского опасно. Он в разных местах своих рукописей может говорить по-разному. Но он был тоже всегда в «свободном поиске», поэтому говорить следует не о формулировках в рукописях, а о позиции, об авторской оптике мышления. И ГП необходимо было противопоставить свою позицию – и позицию (позу?) оппонентов, которые предлагали заниматься мелочевкой и вообще не трогать наследие Л. С. Выготского. Впрочем, понятно, почему.

И тогда все свои действия они стали выстраивать как действия группы на выживание, по принципу «свой – чужой», «наш – не наш». Такая групповая оборонительная идеология стала их образом жизни. Разумеется, такая позиция гробит в человеке учёного. Вот главное: Шеварёв и молодой ГП, представители разных поколений и совсем разных научных взглядов, договорились в главном – в позиции. Шеварёв так и сказал ГП: «Вы говорите почти как Георгий Иванович» (Челпанов, его учитель). Эта была высшая оценка и поддержка: «Старик высказал самое сокровенное», замечает ГП [Щедровицкий 2001: 53]¹¹.

Итак, молодые семинаристы во главе с ГП договорились с Шеварёвым, чтобы тот был у них куратором. Так семинар и стал работать с 1958 года – как Комиссия по логике и психологии мышления в Психологическом институте (основателем которого и был Челпанов) на Моховой. Вплоть до 1964 года, пока Шеварёв был здоров¹².

ГП в своих интервью восстанавливал несколько таких ярких эпизодов, дабы показать разницу позиций, разницу отношения к науке разных людей. ГП в этом плане не рассказывал, не писал мемуар, не вёл дневник. Ему было важно предъявить принципиальную разницу позиций, поскольку всё остальное, в том числе и сама методология, выстраивается как следствие заявленной позиции.

В эти годы, кстати, в 1958-1959 г.г., он работал в редакции Педагогического словаря и позже в редакции журнала «Вопросы психологии». Он имел доступ ко всем архивам мировой психологии, которые были в наличии в стране, то есть в его распоряжении оказалась вся мировая психологическая мысль. И надо было там навести порядок. ГП, будучи ригористом и бойцом, и всё ему казалось чёрно-белым, готов был переписать всю историю мировой психологии, переписать все учебники по психологии. Будучи со школы въедливым, обладая феноменальной работоспособностью, он перелопачивал огромное количество материала.

И вот он предложил издать сочинения Л. С. Выготского. Здесь опять развернулась целая детективная история, которую ГП захватывающе рассказал [Щедровицкий 2001: 74-84]. Ученики Выготского были насмерть против издания трудов своего учителя. А. Р. Лурия так и ответил: зачем рыться в архивах? ГП попросил его дать ему одну ставку для работы с архивами. Зачем вам

¹¹ Моя философская биография также начиналась фактически с двух авторов – Бахтина и Выготского. Лев Семенович – мой постоянный глубокий собеседник. Эту любовь к нему мне привил мой первый учитель в философии В. П. Тыщенко, со второго курса обучения в пединституте. Так вот. Во время очередного приезда ГП в Новосибирск Тыщенко попытался поговорить с ним о Выготском и его учениках, под запись на магнитофон. Задавал ему вопросы про то, почему в 6-томнике сочинений Выготского не оказалось дипломной работы о Гамлете и проч. На что ГП сразу и резко ответил в этом же духе, что не любит учеников Выготского. Они живут в кухонно-коммунальной идеологии, для них были важны звания, награды, статусы и проч. Это было в 1989 г. Мы потом слушали эту аудиозапись, и я сильно удивлялся: «Как же так? Как можно было так говорить об учениках Выготского? Они же так клялись в любви и верности ему, они же вроде бы заботились о его наследии, издавали потом его сочинения». Теперь я понимаю, почему ГП так говорил.

¹² И. С. Ладенко называет другую дату – с начала 1957 [Ладенко 1996: 21]. Но В. В. Давыдов подтверждает – с марта 1958 года [Давыдов 1995: 109]. А сама Комиссия работала еще долгое время. В 1983 году она отметила свое 25-летие, по поводу чего В. В. Давыдов сделал своё сообщение, опубликованное много позднее [Давыдов 1995]

ставка? – ответил Лурия. Ставка даётся для живой исследовательской работы. Зачем ставка для того, чтобы рыться в архиве? Поразительно! Лурия воспринимает работу над изданием трудов своего учителя архивным и никому не нужным делом. ГП, разумеется, объясняет эту историю как продолжение групповой идеологии – для них групповая борьба была на первом месте, борьба с разными противниками в защиту своего положения. Им было важнее сохранить себя, нежели издавать труды учителя, в которых, кстати, подвергались сомнению многие их базовые идеи, во всяком случае, они вступали в противоречие друг с другом.

Надо сказать, что это судьба наследия многих основателей. Труды Выготского не исключение. Выготского всегда закрывали. А если издавали, то с купюрами, подстраивая его под себя, подтягивая культурно-историческую психологию под теорию деятельности (как в случае с Леонтьевым)¹³.

Такое начало интервью ГП выглядит как манифест. Как будто он был слеплен с самого начала из одного куска, со студенчества отстаивая свою позицию¹⁴.

Читать, замечает ГП, я научился с 4 лет. Читал всё подряд, почти круглосуточно, с утра до вечера и с вечера до утра. Был упёртым, упрямым, умел постоять за себя. В эвакуации в Куйбышеве во время войны на разборках с местными пацанами его чуть не убили – клинок штыка прошел недалеко от сердца. Он с собой носил железный прут.

С детства он воспринимал мир как чёрно-белый. С детства не терпел вранья, расхождения между словом и делом. Эту разницу он воспринимал очень рано, с детства. Отец был убежденным большевиком, членом партии, руководящим работником, но он не рефлексировал своё отношение к делу. Он просто строил социализм. А вот сын рефлексировал. Постоянно вырабатывал своё отношение к происходящему и постоянно фиксировал разницу, предъявляя и держа эту этическую максиму. Он был готов всегда отстаивать эту голую этическую максиму, рискуя собой, учёбой, работой, жизнью.

Вот это личное самовоспитание, среда, ситуация в семье и книги сформировали в нём голую этическую максиму: не врать! Ни шагу назад! Брать мир целиком и в его целостной правде. Не приспособливаться. Идти напролом, только вперед.

Это действительно некий феномен. Активность, ригоризм, максимализм, с одной стороны, вполне свойственны и возрасту, и типу тех советских людей, которые строили коммунизм в отдельно взятой стране. И ГП здесь не исключение. Но именно максимализм и готовность идти до конца, стремление делать всё по-честному, на полную катушку выталкивали его как раз в обратную сторону – в противников режима, в маргинала, хотя никаким диссидентом и маргиналом он никогда не был и быть не мог. В результате получилась весьма гремучая смесь – активность, целеустремлённость, максимализм, интеллектуальная одарённость, замешанные на убеждённом марксизме и любви

¹³ Такая же история была с изданием трудов Ж. Пиаже, против чего выступал опять же А. Р. Лурия.

¹⁴ Б. А. Грушин вспоминал такое же про Мамардашвили. Когда они встретились на факультете, ещё студентами, у Б. А. Грушина сложилось впечатление, что будто Мераб был уже слеплен с самого начала, был уже готовым, слитым, целостным куском.

к К. Марксу создавали такую машину, идущую напролом («танк»! его и прозвали танкистом, он в детстве любил наблюдать на параде идущие мимо их окон танки). ГП это сам признавал и замечал: потому он всегда был асоциален, всегда вступал в конфликты и оппозицию тогда, когда видел различие между представлением о норме, идеале и реальной ситуации. ГП подмечает это как главный нерв его жизненной линии, его траектории. С одной стороны, воспитание, чтение книг, переписывание от руки «Капитала» К. Маркса (уже в 8-м классе!) и тем самым сформированный идеал о совершенной жизни и идеальной позиции (как должно поступать настоящему человеку) и, с другой стороны, реальное положение вещей, реальная повседневность жизни и поведение людей с их коммунальными отношениями. Между этими двумя планами разрыв был и бывает всегда. И всегда он вступал в конфликт: я всегда был чужаком в коллективе со своей позицией, замечает ГП.

Вообще удивительная деталь его жизни. Школьник Георгий Щедровицкий в восьмом классе сидит и часами переписывает от руки «Капитал»! Его пьянил строй мысли этого произведения, его логическая форма. Она его целиком захватила. И так несколько лет он его переписывал. В итоге он знал это сочинение чуть ли не наизусть, хотя при этом мало что понимал. Но тем самым он фактически формовал свою личность, как древний грек, обводящий буквы по глиняной доске.

Илл. 1 Читающий школьник Георгий на фоне читающего вождя. Символично.

Источник: [Щедровицкий 2001]

Сделаем рефлексивную остановку. В наших работах мы пытались обозначить топику автобиографии, выделив в ней рамки, схватывающие всё пространство автобиографического опыта [Смирнов 2019: 45-46]. Эта топка держится на двух растяжках – духовной вертикали (растяжка между нормой, высшим пределом, Богом и Благом, и патологией, отказом от нормы) и жизненной горизонтали (растяжка между личным, приватным, частной жизнью – и миром, объективным процессом жизни как историей).

Согласно этой топике автобиографический опыт располагается по вертикали между описанием жизни святого (житие в Боге, жизнь совершенного человека) и псевдоюродством. В пределе – это исповедь, стремление жить и выстраивать свою жизнь, ориентируясь на недостижимый образец, идеал, норму. Это жизнь на фоне Блага, предела, Бога. А псевдоюродство выступает

нарочитым, искусственным, циничным отказом от всякой нормы, полагающим, что центр мира – это я, философия – это я.

По горизонтали жизнь человека выстраивается, с одной стороны, как описание жизни частного лица, ведущего личную жизнь и по поводу её пишущего личные дневники, не предназначенные для публикации и, с другой стороны, как написание мемуара-летописи, стремящееся к полному и подробному изложению событий так, как они были «на самом деле». В пределе – это чистый мемуар, претендующий на объективность, что обычно ни у кого и не получается.

Итак, в пределе автобиография выражается в четырех жанрах: исповедь, откровения отщепенца-юродивого, частный личный дневник и мемуар.

Разговор ГП о себе и своей жизни ни в какой из названных жанров не попадает, но одновременно обладает качествами всех жанров. Он гуляет по всем полюсам и рамкам, но и не приклеивается ни к одной из них.

С точки зрения жизни в идеале, исповеди. Это была жизнь ригориста, максималиста, выработывавшего в себе идеал совершенного человека, точнее, человека идеи. И он его отстаивал, он просто так и жил, часто реально рискуя учебой, работой, жизнью. Но это не жизнь святого.

С точки зрения жизни отщепенца. Да, он был сильно похож на юродивого, сумасшедшего, который лезет на рожон и что-то кому-то постоянно доказывает, выглядит белой вороной. Всегда в конфликте в разных коллективах. Сменил много мест работы. Но он никак не отщепенец, не выродок, хотя отмечал некоторое уродство своего воспитания. Он просто делал себя сам.

С точки зрения дневника частной жизни. Да, он не прятался за спины, доводил до предела свои действия, свои идеи и мысли. И готов был идти на самые серьёзные конфликты, всегда противопоставляя коммуналке свою личную позицию. Но он не был изгоем, не уходил в приватную жизнь, не прятался от социальных проблем. И его Разговор в интервью – не личный дневник, не приватный разговор, хотя и предельно откровенный. Это предельно честная демонстрация всему миру своей позиции, предельно откровенный разговор с миром о самом себе.

С точки зрения мемуара. Да, его разговор выглядит как стремление его вести так, как оно было на самом деле. Предельно откровенно и объективно. Но это не мемуар. Не обзор сверху каких-то событий в стране и мире, как было на самом деле. Это всегда показ событий через призму своей позиции и поиск своего места в истории.

Он похож на автономную монаду, личность, которая гуляет сама по себе. Но эта кажущаяся автономность есть проявление представления об идеальной личности, идеале, который сидел в нём. Этот свой идеал он нёс, сталкиваясь с коммуналкой и политиканством других людей, его оппонентов. Свои действия он опирал на нормы, взятые из прочитанных книг. Норма мысли становится нормой действия, нормой этической, нормой поступка. Столкнувшись с сопротивлением среды, он мог бы уйти в интеллектуальный монастырь, в себя, читать книги, что-то писать, стать книжником. Но он всегда был в гуще событий, оставаясь интеллектуальной монадой, плавающей своим никому не ведомым курсом («я был социально не адаптирован <...> Эрик Юдин называл меня «танком» или «солдатом в грубых сапогах» [Щедровицкий 2001: 140-141]). Он был такой пиратской пентеконтерой, осваивавшей новые миры

и архипелаги, нападавшей на берега безмолвия и немыслия. И несмотря на конфликтность, он всегда вёл, зажигал других людей, был катализатором и строителем новых отношений. Более того, такое «конфликтное существование и является наиболее благоприятным для формирования человеческой личности» [Щедровицкий 2001: 129]. Но это отношения свободных личностей, для которых философия, методология, наука выступают формой служения, способом жизни, а не профессией, не местом работы. Не получая навстречу себе такого же отношения, – он получал рано или поздно новые конфликты, даже с соратниками и друзьями, не говоря уже об оппонентах, предпочитавших другую жизненную стратегию.

Что делает ГП, описывая свою жизненную ситуацию? ГП пытается рефлексивно сформулировать основной нерв – движитель, толкавший его на действия и определявший фактически его жизненную стратегию. В интервью он его так и формулирует: с одной стороны, завышенное, сформированное на книгах и культурных идеалах требование к себе и ожидание этого же от других – и, с другой стороны, столкновение этого требования с иным отношением к себе и другим в среде, одновременно – «разрыв между активностью действия и самооценкой в коллективе, относительно коллектива, относительно поведения, жизни» [Щедровицкий 2001: 133].

Лет до 35, признаётся ГП, в нём сочетались, с одной стороны, вот это завышенное требование к себе и заниженная самооценка себя, своих способностей, а, с другой стороны, завышенные ожидания от него со стороны окружающих в связи с его же постоянной активностью. И это личное ощущение разрыва тянулось долго, а потому заставляло постоянно строить способы жизни. Он был в постоянном напряжении, это осознание разрывов превращало жизнь в постоянную тренировку, тренаж, полигон, на котором постоянно оттачивались все новые и новые мысли и действия. Но эти разрывы толкали всегда не на модальность «каков я сам?», а на модальность – «что я должен сделать, чтобы достичь определённого результата?». Он не уходил в личные дневники, в чуланы самоедства и самокопаний. Фактически свои личностные разрывы он выносил в публичное пространство и разрешал в публичных действиях, совершенно не зная, каковы будут последствия. Но все эти соображения тогда и долгое время потом не были предметом рефлексии. А если и продумывались, то это были сугубо деятельностные представления, в залоге – что должно делать? Это, признаётся ГП, стало предметом осмысления только сейчас, во время этих интервью в 1980 году. И только сейчас, признаётся ГП, я пытаюсь осмыслить границы личности и деятельности, вопросы, связанные именно с личностью, а не с какими-то теоретическими проблемами или действиями.

А почему до 35 лет? Наверное, подозревает он сам, это связано с новой женой Галиной Давыдовой. Она относится к тем нескольким людям, которые на него оказали наиболее сильное личностное влияние. Таких людей было немного. Это она, Галина Давыдова, это названный выше П. А. Шеварёв, и, конечно, А. А. Зиновьев.

Эта цифра 35 условна. Но весьма и весьма символична¹⁵. Здесь мы касаемся темы связки – темы служения, темы связи личной жизни и идей, трудов и дней человека, который не разделяет личную жизнь и занятия наукой

¹⁵ Как раз в духе Данте: «земную жизнь пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу».

и философией. До поры до времени, замечает ГП, мы все ищем «Великий Рим», стремимся к высшим образцам человеческого духа. Но в определённый момент, замечает ГП, я понял, что мы, члены Кружка, и есть этот Великий Рим, мы достигли в каком-то смысле высшей точки. Мы и есть Великий Рим. И вот с этого момента тема Великого Рима отпала сама собой [Щедровицкий 2001: 138].

Это годы 1964-65. Что это было? В самом интервью он этого не поясняет. Но факты говорят, что именно в эти годы происходит институционализация Кружка. В его рамках получены результаты по разработке теории мышления. В начале 60-х г.г. прошли первые Всероссийские конференции по логике и методологии науки, работал Семинар по методологическим проблемам массовой деятельности, прошли другие события (см. таблицу в конце очерка).

Можно сказать, что период бури и натиска прошёл, началась работа по выстраиванию самостоятельной онтологии мышления и деятельности, началось его взросление и становление как Первого Методолога (в духе амбиций Первого Феноменолога Э. Гуссерля или Первого Психоаналитика З. Фрейда). И если ранее в 50-е годы его действия были дерзаниями юного мятущегося духа, максималиста и ригориста, то потом они начали воплощаться в системную программу по выстраиванию Великой Методологии, которую он считал высшим достижением человеческого духа, своим Великим Римом¹⁶.

На выявлении основного жизненного нерва-разрыва он обсуждает и тему основного разрыва, фактически лежащего при выстраивании методологии [Щедровицкий 2001: 142-143]:

- разрыв между действительностью своего мышления и реальностью своей собственной повседневной жизнедеятельности;
- разрыв между идеалами, почерпнутыми из книг, из культуры, и той коммунальной повседневностью, которой живут окружающие люди;
- разрыв между тем, что лежит в культуре в виде норм и образцов, и тем, что привычно в конкретной жизнедеятельности людей.

И сейчас, находясь в 1980 году, осмысляя свою личную историю и ситуацию развития науки и сфер культуры и образования, ГП полагает, что этот разрыв и выступает основным, по поводу которого в целом осмысляется и строится вся теория и практика образования как сферы: разрыв между тем, что осваивается в культуре, что представлено в книгах, в нормах и образцах культуры, и тем, что происходит в реальной социальной жизнедеятельности школьников и студентов.

Получается, что его собственная биография, её осмысление выступили у ГП некоей мыслительной и жизненной лабораторией, дающей материал для понимания как основного нерва своей линии жизни, так и всей ситуации в образовании, культуре, науке и философии. Но ведь не каждая личная жизнь может выступить таким полигоном-лабораторией, а такая, которая *становится созвучной* всей социокультурной ситуации развития страны и мира. Как у В. Маяковского: «мой труд вливается в труд моей республики!».

¹⁶ В своих самых разных выступлениях он примерно так и строил историю философии, с некоторыми вариациями: сначала Платон-Аристотель, затем Фихте, затем я. В другом месте: я всегда был фихтеанцем. В третьем месте: сначала Аристотель, потом Кант-Гегель, потом я. Гегеля не любил, называя его последователей «гегеливичами».

Есть и более поэтичное: «я ж с небес поэзии бросаюсь в коммунизм, потому что нет мне без неё любви!»¹⁷.

Поэтому его интервью никак не годится под определение мемуара, личного дневника частного лица, исповеди или интеллектуальной реконструкции идей. Его собственная автобиография представлена в виде некоего *мыслительного эксперимента*, в котором предметом испытаний становится его собственная жизнь, его собственная биография.

По итогам своих размышлений ГП фиксирует: он полагал ранее, что, поставив рамку мышления как деятельности, построив теорию мышления как деятельности, он тем самым снял проблему мышления и потому может описать всё многообразие взаимоотношений. Так он полагал вплоть до 70-х годов. Но потом он понял, что такое представление не решает проблему разрыва мышления и (жизне)деятельности.

Но главное – этот вывод он делает именно *на материале своей личной жизненной ситуации и ситуации своего поколения*. Это сугубо личностная самодиагностика ситуации своего личностного развития, в которой сам же ГП осуществляет одновременно и личностный акт самоопределения по поводу своей жизненной ситуации, и акт концептуального действия по поводу нового концепта методологии. И хотя это не такое уж и откровение, но это понимание позволяет отметить то, что с ним происходило как с личностью и как с мыслителем.

ГП фиксирует, что именно в нашей стране сложилась такая ситуация: то, что мы получаем сейчас через культуру, через систему образования, принятую у нас с сер. 30-х годов, принципиально не соответствует тому, что нужно людям в их реальных социальных повседневных ситуациях жизнедеятельности [Щедровицкий 2001: 143].

То, что несёт культура через каналы трансляции в системе образования, вступает в конфликт с тем, что мы обнаруживаем в нашей привычной реальной повседневной жизни. И это есть основной момент, определяющий формирование, становление и развитие многих поколений в России, начиная с 20-х годов и до сегодняшнего времени, констатирует ГП [Щедровицкий 2001: 143-144].

С точки зрения того, что нам нужно в социальной жизни, культура избыточна. Как избыточно и само мышление. Здесь идёт переключка между ГП и Мамардашвили. Тот на своём языке постоянно описывал эту типичную ситуацию человека. Мышление, культура, образование для человека с точки зрения его повседневной жизни действительно избыточны. Они не нужны ему для его материального обустройства, в его коммунальных отношениях. И этот разрыв, замечает ГП, определяет и жизнь каждого человека: каждый живёт одновременно в разных мирах, в мире культуры и в мире социальной жизнедеятельности, мире коммунальных отношений.

ГП фиксирует разрыв: каждый человек имеет в этой связи два опыта: опыт свой, личный, индивидуальный, и опыт общечеловеческий, который означает опыт стратовый, классовый, и каждый человек так или иначе соотносит себя с группой, классом, стратой. Мамардашвили разводит иначе, сугубо

¹⁷ Можно привести ещё и такой эпизод. Друг ГП со студенческих лет К. М. Кантор, философ и искусствовед, многие годы занимался творчеством Маяковского, в итоге в конце жизни написал работу «Тринадцатый апостол», посвящённую поэту-трибуну. Если ГП был Апостолом, то кто для него Бог? История.

на уровне отдельной личности, но это здесь не важно¹⁸. Важно то, что в этом предельно откровенном разговоре ГП, никогда не любивший речей о личности («вранье это все!»), здесь говорит совсем иначе, причём так, что это становится принципиально значимо как для его личной ситуации, так и для построения методологии с точки зрения обозначения главных содержательных разрывов в его собственном концепте. У ГП это оказалось выраженным весьма ярко: с одной стороны, формирование собственной личности на книгах, на истории, на культурных образцах, с другой стороны – реальные жизненные, выраженные коммунално, ситуации семьи, двора, школы, университета.

И тут мы приходим к критерию, по которому ГП выделяет в жизни то, что можно назвать событийностью. Что можно брать в качестве главного признака события, на чём строится собственно биография человека? Ведь «весь вопрос заключается в том, какими маркерами отмечает каждый человек то и другое, что для него является подлинным миром» и как эти миры сочленяются и сочетаются друг с другом [Щедровицкий 2001: 147].

Одни, и их большинство, ставят фильтры, которые освобождают их от всего лишнего, отгораживают себя от культуры, которая для них избыточна, создают свой маленький мирок. И так, замечает ГП, жили и живут ученики Выготского и многие другие. Для них приоритетным являются сиюминутные ситуации выживания, они живут в локальных, сиюминутных, коммуналных, политических ситуациях. Так живут современные поколения, и потому они сугубо аисторичны. Они не включены в историю, «для них не существует ни исторической действительности, ни их собственного действия в истории» [Щедровицкий 2001: 148].

Для меня же, жёстко фиксирует ГП, и поэтому «это можно рассматривать как уродство моего воспитания – определяющей и единственной реальной действительностью всегда была действительность исторического существования человечества <...>, я существовал только там, и только тот мир, мир человеческой истории, был для меня не просто действительным, а реальным миром, точнее, миром, в котором надо реализоваться» [Щедровицкий 2001: 148]. И вообще, добавляет ГП, «я по происхождению принадлежал к тем, кто делал историю [Щедровицкий 2001: 149]¹⁹. Можно сказать, добавляет ГП, что «я формировался через чтение, через мышление, а не через опыт жизни. По отношению к опыту жизни я тогда был, и потом, кстати, оставался непроницаемым или избирательно проницаемым» [Щедровицкий 2001: 152].

Не знаю, насколько сознательно ГП это делал, но он фактически в этих интервью лепит свой образ, рисует автопортрет рыцаря духа, кнехта, солдата

¹⁸ Свое отличие от друга Мераба ГП обозначил сам: «хотя мы с ним большие друзья и двигались вместе с начала 50-х, <...> я его не понимаю <...> он строит свои невероятно сложные смысловые структуры, но я ведь все это опишу на основе моделей – детальнее, лучше, понятнее и много практичнее <...>. Мераб Константинович работает на высоком понятийном спекулятивном уровне. Я его понимаю, я сам так учился и знаю мощь спекулятивного философского подхода <...>. Но сейчас для меня работа в научной модальности и на основе моделей куда дороже и куда ближе. И мне нужна схема мыследеятельности» [Щедровицкий 1997: 593-594].

¹⁹ Для многих его друзей и соратников именно такое отношение и было характерно, замечает ГП – для Мамардашвили, Давыдова, Зиновьева, Ильенкова. Они помещали себя в эту реальность и в ней жили и существовали [Щедровицкий 2001: 148-150].

мысли и действия, готового идти в атаку во имя идеалов, которые он впитал из книг с детства и юности. Переписывая от руки «Капитал» К. Маркса, он фактически писал сценарий своей последующей жизни²⁰. Он буквально физически себя лепил, выписывая от руки логику мысли Маркса, рисуя тем самым и свой контур личности.

Но такой конфликт себя как живой личности и окружающей её коммунальной среды, личности, воспринимающей только реальность истории и культуры, ощущающей себя как носителя образцов культуры и несущего её в реальность коммунальных отношений, такой конфликт ставит личность всегда на грань, делает её жертвой, которая добровольно отдаёт себя на заклятие этой истории. Это *жертва добровольного служения*. ГП сам признаётся: я всё время шёл по грани, доходил до предела [Щедровицкий 2001: 152]. Такая жертвенность характерна для поэта, философа, духовного мыслителя. Парадокс в том, что в реальной жизни ГП совсем не воспринимался таковым. Этот образ стал проявляться уже после его ухода, после осмысления всех его трудов и дней²¹.

Итак, обозначим по методологической привычке, в схеме, основной нерв-разрыв, описанный ГП (рис. 1).

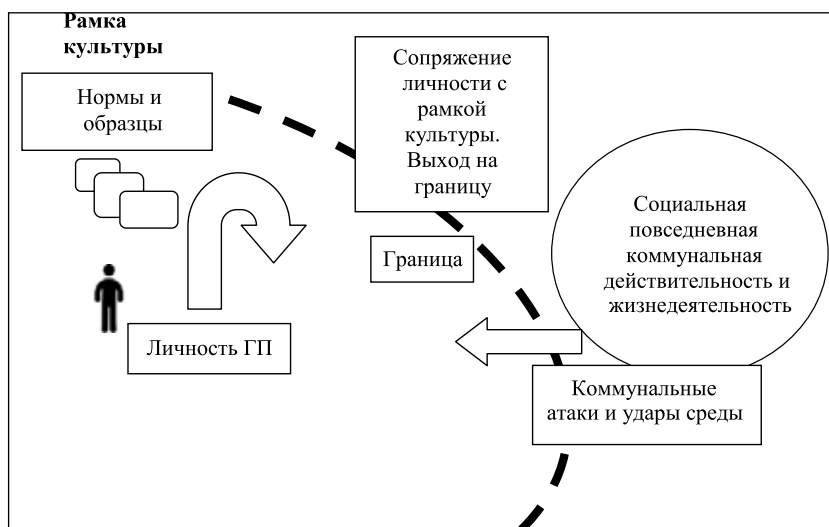

Рис. 1 Граница самоопределения личности

Еще раз. ГП не рассказывает про свою жизнь, то есть, не предъявляет устный мемуар. И не показывает личный дневник. Он ставит над собой мысленный, рефлексивный эксперимент, ведёт нечто вроде *бортового журнала самонаблюдений*. А в реальной жизни он сначала ставит над собой социальный эксперимент (проверка на вшивость!), выступая всегда лидером, чрезвычайно активным, всякий раз подставляя себя коммунальной агрессивной среде,

²⁰ Кстати об образовании и уровне культуры ГП. Он не просто переписывал «Капитал». Он его переписывал в том числе и на немецком, готическим шрифтом.

²¹ Потому А. Пинский задает странный, казалось бы, вопрос – а был ли Г. П. Щедровицкий методологом? И призывает относиться к учителю не только как к методологу. Личность ГП не вмещается в это определение [Пинский 1997]. Впрочем, В. М. Розин давно уже называл Кружок эзотерическим сообществом, а ГП – Учителем в самом высоком духовном смысле этого слова.

выступая, как сам оценивал, этаким «принципиальным дураком», идиотом, будучи всегда на границе, на линии фронта. Там, где бьют. И выстраивал, пробуя на себе, получая подзатыльники и затрещины, одновременно и новые институциональные оргформы коллективного мышледействия, то есть, Кружок, Игру. Заметим, он выстраивал институциональные, соответствующие ситуации формы существования философско-методологического сообщества. Об этом мы уже говорили. Начиная с учебы на физфаке и далее со 2-го курса философского факультета, он организовывал семинары и кружки. Они собирались и рассыпались, вновь собирались, уже в новом составе. Для свободного мышледействия нужно было *свободное клубное пространство*, аналогом которого и становится Кружок.

Удивительно, что в своей социальной активности, будучи активным комсомольцем, лидером, сознательным строителем социализма, по факту он в итоге и выступал тем самым винтиком в огромной социальной машине. Он реально и сознательно строил социализм, как и его отец. Но винтик был уж больно активен и всякий раз выбивался из машины.

Получается, однако, что ГП реально был тем самым идиотом в античном смысле. То есть, как раз, будучи активной автономной личностью, он действовал так активно и бескомпромиссно, что выталкивал себя наоборот в позицию асоциального дурака, идиота, которого в итоге за его же активность увольняли с работы, выгоняли из комсомола и потом из партии. Хотя, удивительное дело, все эти передряги происходили не потому, что он был диссидентом или противником режима, а наоборот, он был самым активным и сознательным строителем социализма, только вот понимал он это строительство фактически по-христиански, как и первые марксисты и первые христиане, не конъюнктурно, а мыслительно и деятельно, как строительство Царства Божия на земле, за которое сам строитель готов отдать и жизнь. В итоге эта активность и ответственность получалась какой-то идиотской с точки зрения групповой коммунальной психологии. Его противники так и говорили ему: Зачем тебе все это нужно? Зачем тебе какой-то философский кружок? Мы тебя за умного считали, а ты что делаешь? Что, больше всех надо? Мы же о тебе, дурак, заботимся! Но все это тогда, будучи студентом, признаётся ГП, он не понимал. И сам в интервью объясняет, почему [Щедровицкий 2001: 197].

Он разворачивает эту ситуацию на языке уже обозначенного им разрыва: «характер развития всякой личности во многом определяется соотношением в её жизни идеального содержания, чистого мышления, и обстоятельств мышледеятельности и жизнедеятельности [Щедровицкий 2001: 199].

Итак, полагает ГП, методологически разворачивая свою личную жизненную траекторию, в своей жизни человек в каждой конкретной ситуации всякий раз выстраивает определённую стратегию, в которой соотносятся чистое мышление и сфера жизнедеятельности (см. на рис. 2 две сферы). Человек выстраивает такую стратегию, в которой выделяются приоритеты, согласно которым решается вопрос: что чему подчиняется. И в каждой ситуации человек всегда решает, насколько в его конкретной жизненной ситуации присутствует это идеальное содержание, чистое мышление, становится ли оно для него постоянным содержанием жизни? Если в семье родителями не создаётся это идеальное содержание в постоянной личной коммуникации со своими детьми,

то их дети живут другим содержанием – коммунальным, обыденным, тем, что ближе для обычной жизни.

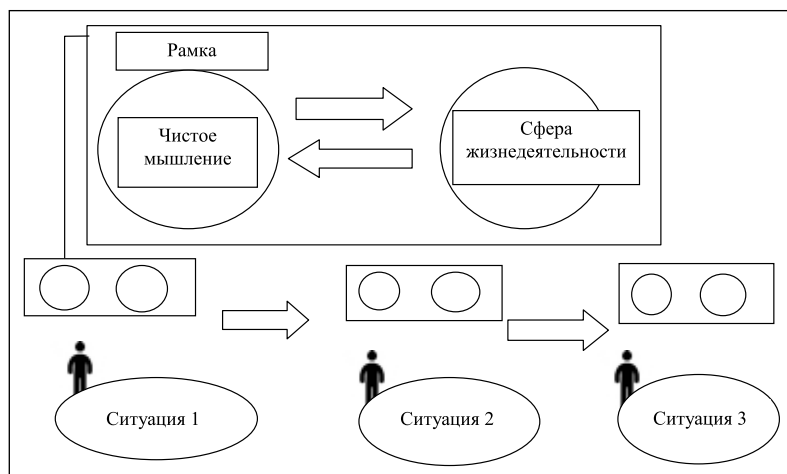

Рис. 2 Ситуации самоопределения

На своём примере ГП фактически разворачивает основной разрыв содержания образования: с одной стороны, идеальное содержание, описанное и представленное в учебниках, книгах, культурных образцах, которое для большинства молодых людей не становится содержанием их жизни; с другой стороны, повседневные коммунальные интересы, хлопоты и заботы, которыми живут люди, делающие выбор. Это идеальное содержание так и остаётся содержанием сугубо учебной деятельности, то есть тем, что в книжках. Жить как Овод, Спартак или Д. Бруно, никто не хочет. Никто не хочет быть сожжённым на костре за онтологический аргумент! Какая разница – что вокруг чего вертится! Подумаешь! Вот модные джинсы купить или навороченный гаджет – это классно!

В итоге идеальное содержание, упакованное в книги и учебниках, с одной стороны, и повседневная жизнь с её заботами и хлопотами, с другой, никак не пересекаются у большинства людей. Стремление решать свои повседневные проблемы побеждает, идеальное содержание уходит на второй план, оказывается где-то глубоко запрятанным, а вся жизнь превращается в бесконечную, бессмысленную череду хлопот и мелких забот, треволнений, переживаний, создающих иллюзию полноты жизни.

Жизнь ГП, как и жизнь немногих аскетов, служителей истины, оказывается примером выстраивания жизни не в коммунальных хлопотах, а в истории. Это было главным для ГП! Не построение концепции СМД-методологии самой по себе, а жизнь в интеллектуальной аскезе во имя включения себя в Историю. Всё остальное – лишь средство, в том числе и СМД-методология!

Заметим, это ГП говорил в 1980 году, схема МД ещё не выстроена, она ещё рождалась. Лишь в 1986 она будет опубликована в базовой статье [Щедровицкий 1995: 281-298]. Но она рождалась давно, ещё в семье, в юности. Где-то с 1948 года эта тема социальности, социализованности действия, социального включения мыследеятельности становится предметом постоянных размышлений [Щедровицкий 2001: 217]. Но явно, предметно, признаётся ГП, я тогда

этого не понимал. Но понимать ведь можно лишь то, что выражено в знаке, с помощью знаковой формы, что выражено и артикулировано. Будучи погружённым в саму реальность, изнутри, нельзя понимать эту реальность [Щедровицкий 2001: 218].

Но такая жизнь-испытание не может длиться долго. Рано или поздно это проявляется в каких-то критических точках. И где-то к осени 1952 года у ГП наступает осознание, что он дошёл до предела, до полной отчуждённости от всех, дошёл до осознания того, что так жить нельзя. Даже были мысли о самоубийстве. А с другой стороны, со стороны коммунального окружения, он чувствовал, что от него хотят избавиться. Наступило полное и ясное осознание невозможности существовать так, как существовали люди, окружавшие его [Щедровицкий 2001: 248-249].

Ведь фактически с самого начала своего вхождения на философский факультет (куда он перевелся осенью 1949 года, на второй курс, с третьего курса физфака) он вёл борьбу, это была не просто идейная борьба. Это была борьба экзистенциальная, за выживание, за спасение лица, своего человеческого достоинства, собственной личности, чтобы не скурвиться.

Чего стоят мысли М. Хайдеггера об экзистенции, если он лично не рисковал собой? Ушёл в отставку с поста ректора, жил тихо, писал в стол. Ну запретили ему потом преподавать после войны. Но не уничтожили. Или его бывший друг К. Ясперс, хотя и не принявший нацизм, но спокойно живший при нём. Хотя и лишившийся звания профессора, но также живший тихо и писавший в стол. А у ГП экзистенциальные ситуации возникали постоянно. Он это сам и фиксирует. Эта проблема разрыва, замечает ГП, вызревала давно, он это чувствовал, но больше теоретически. А тут возникает реальная проблема выживания: «Как мне жить? <...> Это был поиск пути» [Щедровицкий 2001: 265]. В этом плане его разнообразная активность, организация семинаров и кружков, постоянные стычки и борьба выступают лишь внешней формой экзистенциального вопроса. Дело было вовсе не в самих по себе кружках и семинарах. Вопрос состоял в главном – либо выживешь и не скурвишься, сохранив лицо, не разрушив личность, либо свалишься в коммуналку и исчезнешь, и тогда грош тебе цена.

Если переводить то, что говорит ГП про главное правило и принципы своей жизни на другой язык, то получается вообще-то чистый пример интеллектуальной аскезы, жития-служения экзистенциального мыслителя, ставящего эксперимент над своей жизнью во имя истины, живущего всегда на границе, на пределе, проводившего испытание над собственной биографией, но при этом не употреблявшего относительно своей жизни всех этих слов про экзистенцию, аскезу и проч. Но схема МД тем самым становится знаковой формой описания собственной организации жизни его личности. Она не придумана, она выстрадана.

На материале своего рефлексивного анализа, на материале истории отца, истории семьи ГП формулирует нечто вроде жизненных принципов. Он их уже понимал ранее, но сформулированы они были фактически впервые в этих интервью [Щедровицкий 2001: 232-233]:

1. Быть целостным, свободным. Существование личности не должно быть связано с местом, с должностью. Всегда должна быть возможность всё своё унести с собой. А это возможно только при условии предельной свободы, ког-

да у человека в его распоряжении есть только его личность (см. эпитафия к нашему очерку)²².

2. Постоянная выработка альтернатив, постоянная постановка себя на границу, готовность идти до предела. Всякого рода непоследовательность сохраняет человеку жизнь, но разрушает его как личность.

3. Никогда не надо обращаться куда-то ради собственного спасения или утверждения какой-то истины. Это можно назвать принципом М. А. Булгакова: «никогда ничего не просите у сильных мира сего». ГП не называл имя писателя, хотя прекрасно знал и любил его роман. Смысл и суть формулировки фактически говорит об этом.

Илл. 2 В начале славных дел. Годы студенчества.

Источник: [Щедровицкий 2004].

Удивительно то, что логика, куда они все пришли, воплощавшая собой пространство чистой мысли, оказалась тем оселком, спасением, нишей, в которой можно было и сохранить себя, и не скурвиться, и заниматься делом. Приход к логике был не поиском утончённой интеллектуальной природы, а формой спасения, следствием экзистенциального кризиса. И он это понял [Щедровицкий 2001: 271-272]. Он понял, что философия вообще, философия как таковая, а, значит, логика и методология – его судьба. И к этому выводу пришли тогда все мыслящие люди. Логика была единственной философской наукой, свободной от идеологии и абсурда.

²² Сильная переключка с максимой у И. Бродского. Он в Актовой речи так её и сформулировал, обсуждая и трактуя требование Иисуса Христа в известной максиме о подставленной щеке: когда к тебе приходит Зло и бросает вызов, а у тебя в твоём распоряжении есть только ты сам, твоя голова и твои руки, и более ничего, то отвечать можно и нужно только чрезмерностью. Так, чтобы само Зло ужаснулось [Бродский 1999: 367-374].

Приход в логику совпал и со встречей с А. А. Зиновьевым. Они все пришли в логику, причём начали все с Логики «Капитала». И это была их судьба.

Итак, с одной стороны, он попал в ситуацию полного духовного одиночества, отчуждения от всех. И он это понял впервые, максимально остро. С другой – состоялась его встреча с Зиновьевым осенью 1952 года (встреча «со-мыслителя», почти полное совпадение позиций, взглядов). И с третьей – занятия логикой. Всё это совпало. Тогда же подтянулись и другие (Грушин, Мамардашвили).

С этого момента до 1957 года, за пять лет ГП полностью сформировался («стал таким, каков я есть»). Общение с Зиновьевым в эти годы наиболее благоприятно повлияло на формирование его как личности. Одна встреча – и на всю жизнь. Они гуляли по Москве часами. Та первая встреча продлилась 8 часов. Ходили по улицам, по станциям метро. И говорили, говорили...

Страницы рассказа ГП о Зиновьеве – самые вдохновенные и поэтические страницы интервью. Это было настоящее признание в любви к другу, к человеку, который его сформировал. В этом состоит величие и в этом же весь трагизм встречи. Два крупнейших отечественных мыслителя встретились. И затем после пяти лет общения разошлись навсегда. Но ГП будет помнить всю жизнь об этой встрече. Помнить и вспоминать не просто с благодарностью, но и с признанием значимости того, что сделал Зиновьев, не стесняясь в характеристиках («великий», «гениальный»). В том и состоит весь трагизм, поскольку потом Зиновьев сам в себе стал уничтожать собственного Мыслителя, становясь Пророком и Мессией. Но об этом мы поговорим в другом очерке²³.

Но между ними была принципиальная разница, её и фиксирует ГП. У ГП была история. Было прошлое, была традиция, передаваемая через отца. Была семья, книги, воспитание. И сам ГП заботился о себе как о культурной личности, поскольку основной обязанностью интеллигента всегда была одна забота – «быть мыслителем». И мы все являемся «членами группы свободного поиска» [Щедровицкий 2001: 303].

А у Зиновьева не было истории. Он был босяк, голодранец, бомж (буквально, у него долгое время не было дома, нормального жилья в Москве). Ему стоило больших трудов укорениться, как-то состояться, в том числе обустроиться материально. У него был только индивидуальный опыт. Он всегда был такой комок нервов, этакий «звонящий аппарат», тонко и резко реагирующий на всё, на все мельчайшие изменения в среде. Он представлял себя. Никакой группы, страты за ним не было. Но поэтому у него не было и будущего, как не было и прошлого. Опираясь на себя, он жил всегда настоящим. И также в постоянной борьбе. Но если ГП дрался за Историю и своё вхождение в неё, то Зиновьев дрался за себя и за то, чтобы самому делать историю.

Если продолжить ГП, то трагизм личности Зиновьева состоял в том, что в нём самом стало проявляться другое начало. В этой его борьбе постепенно начинала превалировать борьба за выживание. А, значит, борьба за то, чтобы сохранить себя. Не борьба за чистоту идеи, Истины, Методологии, а просто обык-

²³ Драма состояла и в том, что это была любовь с односторонним движением. Зиновьев вспоминал и ГП, и Мераба, и Грушина совсем другими словами, весьма нелицеприятными [Зиновьев 2001]. Мог бы и по-другому, тем более, что его бывшие друзья уже ушли в мир иной. Да и тогда уже, когда ГП предлагал в разговорах одну тему за другой, Зиновьев быстро сворачивал разговор. Его интересовали только его темы и его собственная личность.

новенная борьба за то, чтобы тебя не сожрали. И тогда в этой личности постепенно формируется фигура Пророка, убивающего фигуру Мыслителя.

Итак, фактически с того момента, с 1952 года, ГП выстраивает свою жизнь как мощный Проект. Он решил, что основной областью занятий на всю жизнь становятся логика и методология, образующие «горячую точку» в человеческой культуре и в мышлении. А сам ГП осознаёт себя как «прогрессора» в духе братьев Стругацких, который участвует в великом социальном эксперименте [Щедровицкий 2001: 288]. Главная роль в этом великом деле отводится развитию средств человеческого мышления. Тогда, акцентирует ГП, я сформулировал для себя основной принцип, который определял всю мою жизнь: *нужно восстанавливать интеллигенцию* в России. Это он повторит ещё много раз в других местах в разное время: основной смысл моей работы как логика и методолога состоит в развитии средств, методов, способов, форм мышления [Щедровицкий 2001: 301].

Опять заметим, что главным мотивом здесь выступает не разработка самой по себе методологии, а именно участие в великом Деле, в борьбе. И победит тот, кто будет более оснащён средствами мышления. А уже потом – предметными знаниями. А автобиографические интервью стали поводом для того, чтобы провести своеобразный мыслительный эксперимент, в котором предметом становится сама жизнь-борьба.

Ощущение себя как деятеля, участника большого социального эксперимента также совпало со смертью Сталина в марте 1953 года. Смерть вождя, кстати, оба, ГП и Зиновьев, предсказали точно, за несколько месяцев до неё, уже тогда в октябре 1952 года.

С этого момента ГП ощущает – на меня «село» мышление. Он испытал ощущение, которое описывают мистики. Он реально понял, физически ощутил, что мышление есть субстанция, существующая по своим законам, но однажды оно садится на отдельного индивида и проходит, трансформируясь, через него. Что-то говорило, существовало вне его, а сам он – как телефонный аппарат, подключённый к сети [Щедровицкий 2001: 298]. Это же он отметит и в конце жизни, в интервью 1994 года (см. ниже).

Но уж тогда договорим. Для того, чтобы на тебя село мышление, нужно проделать огромную работу по формированию в тебе самом шлюзов, новых культурных органов, позволяющих, делающих тебя оспособленным для принятия и прохождения через тебя этой субстанции. Понятно, что мышление садится не на каждого. Как не на каждого садится язык или не на каждого садится поэзия²⁴.

Что же? Получается замечательная вещь. ГП конечно не нуждался в мемуарах. И всю свою биографию ему вовсе не обязательно было рассказывать. Он воссоздал исток своей мысли, описал ситуацию рождения авторской мысли, момент рождения в себе философа. Это самое главное в автобиографии философа.

²⁴ По этому поводу ГП любил шутить, ссылаясь на В. Я. Дубровского (соратника и соавтора): мол, Дубровский сказал: «Люди – случайные носители мышления». Можно реализовать мышление на людях, а можно на смешанных системах людей и машин. Главное – что есть мышление, а на чём оно реализуется – неважно. В нашем мире – случайно – на людях, в другом мире – на пингвинах, в третьем – как у Лема, на железках. Какая разница, на чём оно реализуется» [Щедровицкий 1995: 561].

Логически естественным следствием личностного самоопределения стало и то, что он всю жизнь искал мыслящих людей, ездил по городам и весям страны (см. ниже в другом разделе этого очерка).

Удивительно то, что несмотря на полное отчуждение в момент кризиса 1952 года именно такое личностное самоопределение и названные выше принципы спасли его: «Я уцелел и могу продолжать жить только потому, что ни разу не изменил себе и не начинал колебаться» [Щедровицкий 2001: 309]. Уцелеть может только принципиальный человек! Ты не пошёл на компромисс, не скурвился, не изменил себе, нёс на себе принцип Декарта – истина очевидна! И это помогало ГП держаться и выжить, сохраниться как личность, не развалиться, не разрушиться лично [Щедровицкий 2001: 309].

Фактически ГП восстанавливает как свой исток мышления, так и исток Кружка, момент его рождения, начало большого пути. Это всё совпало в одном моменте. В это же время на факультете соорганизовались две группы – Ильенкова и Зиновьева. В эти же годы, в 1952-1954 гг. происходил целый сдвиг в умах, в сознании людей. Этим периодом фактически определялась интеллектуальная жизнь страны на долгие годы, на последующие полвека. В это время постепенно складывается первый состав основателей Кружка – четверка «диастанкуров». Тем самым «завершается процесс конституирования ММК» (весна 1954 г.) [Щедровицкий 2001: 322]²⁵.

Своим разговором 1980-81 г.г. ГП показал пример преодоления крайностей неудачных автобиографий: как не свалиться в анекдот, как не уйти в мемуар, как не спрятаться в личный интимный дневник, как не увлечься пересказом своих научных идей. ГП показал здесь Начало, момент рождения мысли и одновременно новой институции – Кружка. Главной опорой, помогавшей преодолеть эти крайности, стало единство личности. Личность живёт в поступке. А потому никакая личность не может быть объектом ни философского анализа, ни научного исследования. Но она становится основной опорой для жизненного самоопределения, что и показал ГП. Потому в рамках логики и методологии он и отвергал разговоры о личности, поскольку любая попытка говорить о ней, попытка превратить в некий предмет, тут же показывала ложь и неправду этой затеи.

²⁵ Строго говоря, называть всю эту четверку членами одного единого кружка было бы натяжкой. Того же Зиновьева трудно заподозрить в коллективизме. Слишком яркий. Да и имечко «диастанкуры» придумал он, «хулиган и выпивоха», для самоиронии, не видя в кружке ничего серьёзного (в отличие от ГП). Равно как и Мераб. Они были всегда изначально одинокие волки. Это же отмечает и Грушин: Зиновьев был среди нас «самым ядовитым, с очень сильной самоиронией, необходимой хотя бы для того, чтобы просто выдержать ту жизнь, не сломаться [Грушин 1994: 20]. Но при этом, добавляет Грушин, мы все его звали учителем, потому что «он не имел себе равных по мощи конструктивных решений» [Грушин 1994: 21]. Им просто было интересно друг с другом. Просто общаться, часами ходить и обсуждать волновавшие их вопросы. Но Зиновьев не терпел «групповухи», тяготился любых форм коллективной работы, будучи очень яркой личностью. Так и Мераб: особая косточка, особый человек. Он был «единственным подлинным философом среди нас», будучи свободным художником, не хотел сковывать себя никакими рамками. Не терпел схем и рисунков. А ГП и Грушин обожали их рисовать [Грушин 1994: 23].

Версия 1973 г. Стратегия социокультурного действия

Задолго до автобиографических интервью ГП уже определил для себя методологию как свою жизненную, мировоззренческую позицию, как способ жизни. И также методологически её обосновал. В 1973 году он выступал с докладом в Институте истории естествознания и техники АН СССР²⁶. Стоял вопрос о размежевании методологии и науки, что обосновывается с точки зрения ГП всей историей развития науки. Мы здесь не будем углубляться в собственно содержание вопроса. Нас интересует больше рефлексивная позиция ГП как автора-методолога.

Прежде всего, ГП в этом докладе, чтобы показать более ясно и рельефно свою позицию, выделил пять стратегий или позиций, существующих в науке, в научной практике. В контексте этих пяти стратегий ГП определяет и свой подход к историческому обсуждению проблем методологии.

Натуралистическая стратегия.

Данная стратегия строится на отношении исследователя к объекту познания, по поводу которого он строит свои онтологические картины. Этим картинам он приписывает истинность. А потому эти представления для него как бы вечны. Возникающие по поводу познания объектов проблемы этот натуралист приписывает скорее не себе, а самим объектам. Эти проблемы познания никак не связаны с социокультурными проблемами, с жизнью и борьбой разных людей. И потому его позиция фактически аисторична или внеисторична. Знания об объектах здесь замкнуты на самих себе и их развитие идёт по линии детализации, консервируя сами объектные, онтологические картины. Такая позиция или стратегия может быть охарактеризована как позиция «естественно-научного кретинизма» [Щедровицкий 1997: 300].

Стратегия следования за лидером.

Эта позиция становится очень популярной в стране в 50-60-е годы, отмечает ГП. Это самая массовая стратегия. Её суть сводится к тому, чтобы следовать за мировыми лидерами, следить за передовыми достижениями в мировой науке, за новыми идеями. В основном следование идёт за зарубежными трендами. И если там проводится какой-то симпозиум или конференция, то поднимаемые там идеи начинают активно обсуждаться у нас в стране и становятся как бы своими, хотя они здесь и не рождались [Щедровицкий 1997: 300-302].

Новые идеи и проблемы фактически перетаскиваются к нам и становятся якобы нашими проблемами. Сторонники такой стратегии полагают, что наука экстерриториальна, имеет общечеловеческий смысл и значение. И научные идеи никак не связаны с социокультурной ситуацией в разных странах. При такой стратегии также не обсуждаются цели и задачи на социокультурное действие. А потому втянутые идеи и проблемы из другой культуры и другой страны некоторое время интенсивно обсуждаются, авторы пишут свои работы, защищают диссертации, но затем эффект новизны стирается, и так – до следующей втянутой идеи или проблемы. And all over again.

²⁶ См.: «Методология и наука» [Щедровицкий 1997: 294-363].

Но при такой стратегии фактически обсуждаются не свои проблемы, а модные идеи, взятые из другой традиции, чужие. Затем берутся новые чужие идеи, обсуждаются, пишутся книги и статьи, снова защищаются диссертации, ломаются копья, и вот вскоре модное течение уходит в прошлое. Ждём новое.

Но коль скоро эти втянутые в наше обсуждение чужие идеи и проблемы никак не связаны с нашим собственным социокультурным развитием, нашей отечественной наукой, философией и методологией, то будучи поэтому не вписанными в «имманентную культуру нашей социальной жизни, а потому не могут закрепиться» и как-то повлиять на решение наших собственных проблем [Щедровицкий 1997: 301-302].

Замечу от себя, что такая ситуация весьма актуальна до сих пор. До сих пор отечественная методология и логика науки кормится зарубежными продуктами, начиная с первых работ по аналитической философии, с работ Б. Рассела, Л. Витгенштейна, Р. Карнапа, Г. Фреге, К. Поппера, Д. Мура, далее Т. Куна, У. Куайна, У. Патнэма, П. Фейерабенда, Р. Рорти и далее вплоть до современных представителей западного англосаксонского аналитического методологического дискурса. Эти авторы до сих пор остаются властителями дум у наших отечественных специалистов по логике и методологии науки, эпистемологии и гносеологии. Свои отечественные работы, особенно как раз работы А. А. Зиновьева, Г. П. Щедровицкого, эти авторы в расчёт вообще не берут, считая, что они не достойны внимания, не тянут, поскольку они какие-то лапотные, домотканнные, доморощенные, самопальные, самодельные²⁷. Впрочем, ситуация ещё жестче. Аналитическая философия вообще не воспринимает континентальную европейскую философскую традицию (тем более советскую и российскую) как ту, которая была бы достойна внимания. Для них как немецкая онтология типа М. Хайдеггера, так и франкофонный философский дискурс типа Ж. Делеза также не являются какой-то достойной внимания философией. Это какой-то неправильный синтаксис, как сказал Б. Рассел.

И разумеется, как точно отмечает ГП, отечественные авторы по логике и методологии науки, по эпистемологии и гносеологии, занимая данную стра-

²⁷ См. дальше в следующей части нашего очерка. Заметим и другой эпизод. В другом докладе в этом же году ГП упоминает об одном разговоре с философом и логиком В. А. Смирновым [Щедровицкий 1997: 399]. Тот с удивлением рассказывал ГП, когда вернулся с коллоквиума из Хельсинки, что каждый из американских и английских философов имеет своего двойника у нас в стране: «Кун напоминает Кантора, Хинтикка – Зиновьева, Лакатос – Щедровицкого и т. д., причем, наши даже чуть умнее и образованнее, чем американцы и англичане» [Щедровицкий 1997: 399]. Но последние пишут книги, реально влияют на развитие философии и методологии, строят европейскую культуру, а мы здесь у себя утешаемся тем, что мы чуть умнее своих двойников. И ГП фиксирует проблему: «Никакого влияния на развитие европейской культуры мы не оказываем. И это не что иное, как необходимый результат и необходимое следствие нашего идеала дезорганизованной, персонализированной науки» [Щедровицкий 1997: с. 399]. Этот эпизод можно было бы отнести к разряду баек, как сугубо субъективно-историческое свидетельство, но, думаю, за этим стоит и нечто большее – действительное сходство позиций. ГП часто и письменно, и устно говорил о своей близости с позицией И. Лакатоса, выдвинувшего идею новой единицы – не знаний, а «научно-исследовательских программ», и разрабатывавшего методы реконструкции научных теорий. Автор этих строк это также слышал на одной из лекций ГП. А Зиновьев в 1974 году стал иностранным членом Академии наук Финляндии. За этим признанием явно стоит близость с ним позиций финских логиков и методологов науки (например, Г. фон Вригта, посетившего СССР незадолго до этого).

тегию гонки за лидером, вообще оторваны от социальных и социокультурных проблем, предпочитая заниматься этакой интеллектуальной схоластикой в жанре вычислений – сколько чертей (умных силлогизмов) уместится на кончике логической иглы. Данная стратегия также аисторична.

Стратегия самовыражения.

Эта позиция является антиподом выше названной [Щедровицкий 1997: 302-303]. Она характерна для отдельно взятых творческих личностей, которые не берут пример с западных образцов, но претендуют на самостоятельные концепции, будучи творческими личностями. Но такая стратегия также не претендует и на решение социальных и социокультурных проблем. Здесь проблемы творятся самой личностью, из собственной души, из своего понимания и представления социокультурной проблематики.

Как правило, при такой стратегии такой мыслитель выражает в своих работах сам себя, своё мировоззрение, своё мироощущение. Он не считает, что его мысли суть отражение некоего объективного положения дел, наоборот, он центрирует всю проблематику на себя, на своё Я. Он не обсуждает вопрос, зачем он мыслит, не соотносит свою позицию с позицией других страт и групп, не соотносит свою позицию с социальной реальностью. Такой мыслитель не действует, он просто живёт в своих формах самовыражения. Понятно, что и такая позиция, как и первые две, является также аисторической. Она и не нуждается в историческом осмыслении.

Стратегия схимника.

В отличие от предыдущих схимник как раз погружен в культуру через книги, считает себя причастным культуре. Но все его действия предопределены культурой. Она как бы за него определяет, сценирует его действия. Схимник хоть и считает себя погружённым в историю культуры и действительно соотносит себя с культурой, традицией и историей, но он никак не соотносит свои действия с реальной ситуацией, с сегодняшним днём, нынешней социальной реальностью. Он погружён в культуру и может обосновать свои исследовательские действия, исходя из логики культуры, её развития, но он с социальным миром себя не соотносит. Как правило, такой исследователь болен ностальгией по прошлому, оно для него всегда лучше нынешнего времени (идея золотого века), а потому он ориентируется на прошлые образцы. Но в социальном плане приходится говорить о полной беспомощности стратегии схимника, она не предполагает совершать социокультурное действие, она асоциальна. Эту позицию можно даже охарактеризовать как позицию социального утопизма, но это если схимник решится на социальное действие. В таком случае он своё социальное действие опирает на прошлые культурные образцы, утопичные по отношению к современности [Щедровицкий 1997: 303-304]. Более того, когда такие «культурные схимники становятся социальными и политическими деятелями, то это, как правило, приводит к социальным и культурным трагедиям, к разрушению культуры и социума» [Щедровицкий 1997: 304].

Стратегия социокультурного действия.

Эта стратегия наиболее приемлема для самого ГП, он сверяет с ней свои собственные действия и представления [Щедровицкий 1997: 304-307]. Такая

позиция предполагает конкретный и детальный учёт истории, всех процессов и включённость самого исследователя, самого мыслителя, в исторический процесс. А потому научная проблема «как эпистемологическая единица здесь выходит за рамки собственно научного предмета» [Щедровицкий 1997: 305]. И вот этого не хотят делать наши современные эпистемологи и гносеологи, логики и методологи науки, предпочитая заниматься чистой математикой, логикой, эпистемологией, полагая, что проблемы находятся сугубо в поле их чистой логической мысли.

Эта стратегия предполагает сознательное соотнесение своих личных действий с историческим процессом. Здесь мы приходим к ядерному смыслу всей позиции ГП и в целом – к смыслу того, что такое строить и осознавать свою биографию. Только при такой стратегии автобиография осмысливается и строится: когда сам автор соотносит свою личную историю с историей страны, рода, культуры, соотносит «план нашего личного индивидуального действия и план социокультурной истории» [Щедровицкий 1997: 306]. Такого рода действие «всегда является нашим собственным личным действием. Оно существует в нашем личном времени, оно вписано в пространство нашей личной жизни, нашего поведения и действованиа. Поэтому всякое социокультурное действие несёт на себе характеристики нашей личности и специфического для неё пространства» [Щедровицкий 1997: 306].

Мы тем самым приходим к явной иллюстрации топки автобиографии, которую мы ранее в другой работе обосновали (см. также [Смирнов 2019]).

Сам нерв поступка автора-героя, создателя своей биографии (здесь – мыслителя) строится по горизонтали между личным действием, с одной стороны, и социокультурным планом в истории, с другой. Но это действие сопрягается с высшим, верхним пределом, нормой, культурным образцом, который даёт ориентир для субъекта действия. Тем самым кладётся вертикальный ориентир для личного социокультурного действия (рис. 3).

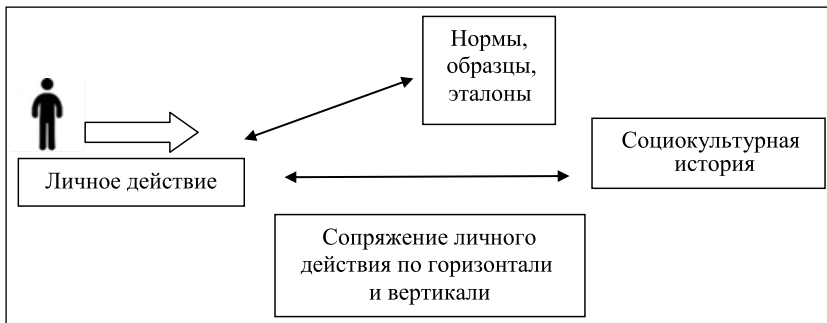

Рис. 3 Сопряжение

Но, подводит ГП итог анализу пяти стратегий, именно такая позиция сопряжения либо забыта, либо сознательно игнорируется многими деятелями науки и философии, включая и таких, как Шпенглер, Ясперс, Шелер, Сартр, Поппер и др. [Щедровицкий 1997: 307].

А коль скоро такая стратегия забыта и игнорируется (причину этого пока ГП не понимает – почему так происходит), то ГП акцентирует эту позицию и предъявляет её как свою, принимая этот вызов на себя. А стало быть, его ме-

тодология выступает ответом на этот вызов, восстанавливает стратегию социокультурного действия как важнейшую и самую действенную и актуальную.

Нам же важно здесь отметить то, что стратегия социокультурного действия выступает и *жанром автобиографического опыта*. ГП, выбравший эту стратегию с самого начала своей сознательной жизни, сопрягая личное действие, историю и ориентацию на культуру, так и создавал свою биографию, что освободило его от необходимости писать мемуары или уходить в ложную исповедальность. Он своим социокультурным действием всякий раз создавал свою биографию, выстраивая её в полноте автобиографической топики, не впадая при этом в её редукции и превращённые формы.

Затем, обосновав эту стратегию сопряжения, ГП уже на её основании начинает осуществлять, с одной стороны, реконструкцию генезиса идей Кружка (и соотношение в его содержательных разработках логики, методологии, эпистемологии, гносеологии – первое время они употреблялись как синонимы), и, с другой стороны, выстраивает план для дальнейшего развития методологии. При этом, настаивает ГП, он не претендует ни на какую объективность, он выделяет только то, что значимо для него, для его действий, для его развития: «я <...> рассказываю о том, как эта история предстаёт в моём сознании и с точки зрения моей индивидуальной траектории развития» [Щедровицкий 1997: 327].

Версия 1974 г.

Методология как способ жизни

Это был 1974 год, кризисный для Кружка. Происходила очередная смена поколений Кружка. И ГП решил предъявить своим соратникам своё понимание ситуации самоопределения. Встал вопрос о том, что такое методология – это профессия, позиция или способ мышления? Как всегда, он опять обращается к истокам и показывает, что и как было *ab ovo*. У нас в распоряжении есть стенограмма заседания кружка и доклада ГП на нём (январь 1974)²⁸. Повесткой заседания была проблема профессионализации – кто такой есть методолог, чем он занимается, это профессия или способ мышления? Разговор же был переведён с подачи ГП в принципиально иное, мировоззренческое русло.

Исторически с самого зарождения Кружка у его основателей на первом месте стояли не задачи, связанные с разработкой каких-то концептов и учений, теорий и идей. На первом месте стояла сугубо мировоззренческая задача. Как мне сказал Зиновьев, замечает ГП, несколько дней назад (!)²⁹, его в конце концов вовсе не интересовали проблемы силлогизмов. И не этим он занимается всю жизнь, ему наплевать на логические формулы. Логика и методология не являлись формой спокойной академической работы, а представляли собой форму выражения определённого мирозерцания и представления о том, что происходит в мире. В логических работах Зиновьева уже чувствовался социальный нерв, социальное напряжение. В этой ситуации выработки своего мировоззрения и зарождалась содержательно-генетическая логика, в ситуации социальной борьбы, утверждает ГП [Щедровицкий 2004: 316].

²⁸ См.: «Проблема профессионализации и специализации методологии» [Щедровицкий 2004: 316-351].

²⁹ В это время они ещё встречались. Но Зиновьев уже не занимался логикой. Он всю пи-сал свои «Зияющие высоты».

Сейчас же, констатирует ГП, по прошествии лет, в 1974 году, этот дух в нашем Кружке отчасти утерян, утерян по разным причинам многими членами Кружка и не приобретён новыми членами. При этом мы тогда в самом начале, взяв предельную рамку мышления, сознательно взяли её для удержания всей полноты человеческой деятельности, человеческого духа, поскольку всё это и есть мысль [Щедровицкий 2004: 317]. И эту рамку для выработки методологического мышления мы взяли для того, чтобы предъявить своё критическое отношение к происходящему, а «критическая позиция эффективна лишь в условиях больших социальных ломов и потрясений» [Щедровицкий 2004: 319].

И вот, фиксирует ГП, раскол в Кружке наступил в 1958 году, когда нам всем: Грушину, Зиновьеву, Мамардашвили и ГП, нужно было решать проблему своего социального существования. Мы с самого начала ставили задачи на социализацию и активную работу, то есть, не на создание какого-то учения, а на реализацию больших социальных проектов. Это важно, потому что, фиксирует ГП, в нашем Кружке сейчас сложилась «философия отщепенцев-схимников», которые что-то делают, но не занимают никакого положения и никакой ответственности не несут [Щедровицкий 2004: 321].

Проблема необходимости входить в большую социальную жизнь, занимать там какое-то положение и начинать отвечать, нести социальную ответственность, будучи весьма сложной в реализации, и начала ломать Кружок на части. Этот раскол продолжался и продолжается до сих пор. Новое поколение Кружка отличается от своих оппонентов тем, что оно ни за что не отвечает. Люди сидят в Кружке, делают доклады, обсуждают, но никакой социальной ответственности ни за что не несут. Но подлинная ответственность личности и соответственно её целостность начинается именно тогда, когда человек берёт на себя социальную ответственность за свои дела и поступки [Щедровицкий 2004: 322].

Но для этого необходимо противопоставиться, предъявить миру свою социальную позицию. Но у членов Кружка на этот счёт ничего нет. Они растворились, потеряли лицо. А вот Зиновьев выиграл. Он получил всемирное признание. Он выиграл за счет жесткого противопоставления себя миру. И такая позиция – единственно верная, она позволяет выжить без потери содержания и лица (см. выше рассуждения ГП о том, что выживает только принципиальная личность, иначе она разлагается).

Поэтому главным вопросом является не вопрос о содержании, а вопрос о том, как жить и работать в этом мире. Ответ был уже дан – создание неформального Кружка как основной формы жизни, противопоставляя её привычной социальной организации [Щедровицкий 2004: 325].

А теперь, продолжает ГП, перед нами стоит задача выхода в социальный мир, чтобы брать на себя ответственность. А значит, настало время укореняться социально, создавать свои институциональные формы, их нужно планировать и создавать. Многие члены Кружка не хотят этого делать, выдвигая так называемую «концепцию существования»: «<...> я всегда ставил своей задачей изменение ситуации и её активное переделывание, <...> и исходил из ценности организационного действия, <...> концепция существования наоборот на передний план выдвигала личность, замкнутую в себе, несущую космос или микрокосмос в себе и представляющую собой некоторую целостность»

[Щедровицкий 2004: 328]. Представителями такой социальной позиции ГП назвал О. И. Генисаретского, В. М. Розина и др.

На этом семинаре они и сцепились. О. И. Генисаретский всё допытывался – что тебе нужно? Что всё это значит? Объясни позицию. В чём проблема? Предъяви основания. И почему история четверки бывших друзей, личная история ГП выступает основанием для дальнейших выводов? Генисаретский ожидал от ГП сугубо методологического разговора, по принципу. А тут всякие личные истории.

Главным ответом ГП был один: «Для меня методология есть способ критического отношения к существующей человеческой культуре». И в этом плане методология заменяет философию. А далее нужна развернутая программа дальнейших действий [Щедровицкий 2004: 329].

Генисаретского сильно не устраивало такое обоснование: в начале доклада ГП была положена личная история самого ГП и трёх других основателей Кружка («четыре культурных героя»), и далее было дано предложение о необходимости выработать новую программу действий. Генисаретский не мог понять и принять именно то, как ГП обосновывал свою позицию.

ГП на это отвечает, что встреча четвёрки – абсолютная случайность. Это случайность – то, что они встретились, соединились и образовали некое временное целое. Но всех объединяла единая мировоззренческая позиция. Поэтому они и соединились.

Генисаретский никак не мог понять, почему такое случайное событие надо ставить в основание для выработки дальнейших действий.

ГП отвечает: если вы хотите определиться в позиции, выяснить, что такое методология, «вы должны определить программу всей своей, нашей жизни» [Щедровицкий 2004: 333].

Для многих членов Кружка такой проблемы не существовало. Многие ходили на Кружок так, как будто это был клуб по интересам, интеллектуальный клуб, получали там некую дополнительную опцию в череде дел, не воспринимая методологию как способ жизни, как программу всей своей жизни. Кто-то ходит в клуб любителей шахмат, кто-то на танцы. А кто-то ходит на методологический кружок по пятницам или по понедельникам. И не собирается брать на себя никакой социальной ответственности, находясь в уютном огороженном клубном пространстве недеяния. Именно такое положение дел ГП не устраивало и ему он противопоставил свою позицию: «Методология для меня есть сокращенное название моего способа жизни. Это мой способ жизни, а не методология вообще» [Щедровицкий 2004: 335]. Также обстоит дело и в целом в науке: «Если мы возьмём историю науки, то обнаружим, что быть учёным означало в истоках – жить особым образом, это был способ жизни, а не профессионализация» [Щедровицкий 2004: 336].

А уже дальше на основе такой позиции надо создавать новое поле для развития методологии в виде новых продуктов, новых организационных форм и новых носителей методологического мышления.

Дело кончилось тем, что Генисаретский сделал вывод: «<...> с вашей стороны это выглядит формой заговаривания нас. А на самом деле вы утверждаете следующее: “<...> Я равно Я, Я равно методологии; так это было, так это есть, и так оно и будет”» [Щедровицкий 2004: 348]. Он не понимал, почему личная история четвёрки и их случайная встреча выступают методологиче-

ским основанием для выработки дальнейшей программы действий Кружка. В результате он вышел из него в 1976 году.

Но мы опять видим предъявление ГП своей позиции, которую он держал с самого начала, подтвердив и фактически объяснив, почему именно он, ГП, всю жизнь до своей смерти и был лидером Кружка и почему в Кружке сменялись поколения, а он оставался лидером – не по причине возраста и интеллектуальной крутизны (хотя и это было), а по причине разницы социальных и мировоззренческих позиций. И по причине разницы масштабов личности. Люди приходили и уходили, а стержень, держатель главного смысла и миссии, оставался. После смерти ГП Кружок и распался. Не потому что ГП был самым умным, а потому, что методология выступала для него живой формой, способом жизни, сидящим на нём, на живой личности ГП. Ушёл ГП – ушла и живая форма.

Версия 1989 г. Методологическая Кастилия

Весной 1989 г. в Экспериментальном творческом центре при театре-студии «На досках»³⁰ были организованы лекции ГП по истории СМД-методологии. Их организовал А. А. Пузырей³¹. На фоне достаточно скушноватой философской атмосферы Москвы того времени³² это был глоток свежего воздуха.

Лекции носили скорее популярный характер, но они хороши как раз этим – ГП доходчиво и жёстко предъявлял публично свою позицию, почти на пальцах объясняя, с одной стороны, духовную ситуацию конца 40-х – начала 50-х, ситуацию возрождения отечественной философии, с другой стороны – линию развития Кружка, его почти уже 40-летнюю историю, с третьей, он это всё рассматривал, разумеется, со своей позиции. Жёстко, прямо, отвечая на вопросы из зала так, как будто раздавал пощёчины.

Можно сказать, что он как всегда легендировал, строя свой образ – и истории, и своей биографии. Содержательно мы здесь по сравнению с тем, что уже сказали, наверное, мало что узнаем. Но важно зафиксировать ещё ряд моментов, акцентирующих позицию ГП.

Он фактически обсуждал не просто идеи Кружка и духовную атмосферу его зарождения, но и в целом ситуацию возрождения отечественной философии как институции. Поэтому в первой же лекции он зафиксировал принципиальный момент: философии в дореволюционной России как *института* не было [Щедровицкий 2004: 19]. Правда, были определённые усилия Л. М. Лопатина в начале 1900-х., потом появилась группа молодых философов (имена он не называет), затем – рассеяние по Европе, социальный эксперимент 1917 года,

³⁰ Хороший театр, кстати. Я смотрел его спектакли, он приезжал на гастроли в Новосибирск. Они ставили даже не постановочные «Записки из подполья» Ф. М. Достоевского. Впечатление было сильным. Основатель и руководитель театра С. Е. Кургинян позже сильно увлекся политикой, став в итоге известным политологом, по совместительству продолжая руководить театром. Вместе с ним пытался сотрудничать потом, уже в 90-е г.г., ученик ГП методолог и философ Ю. В. Громыко. Они писали совместные книжки, издавали манифесты весьма национально-монархического оттенка. Но это уже другая история.

³¹ Курс лекций назывался так: «СМД-подход и основные проблемы науки и человека в XX веке». Шесть лекций. С марта по май 1989 г. [Щедровицкий 2004: 11-239].

³² Если не считать редких наездов М. К. Мамардашвили из Тбилиси (куда он уехал из затхлой Москвы в 1980 г.) со своими лекциями и докладами. Политические баталии здесь не в счёт.

который вытряхнул этих людей из страны. И вновь – пустота. Когда ГП пришёл на философский факультет МГУ в 1949 г., то он увидел то, что не было ни философских институтов, работающих с подлинной философской проблематикой, ни людей, которые бы знали и понимали философию. Всё надо было начинать с начала [Щедровицкий 2004: 19]³³.

Можно было бы удивиться и возмутиться – как же не было? А Бахтин, Шпет, Флоренский, Лосев? Но тут же мы и запнёмся. Шпета и Флоренского расстреляли. Лосева и Бахтина сослали, загнали во внутреннюю эмиграцию... А уж о философских институциях и говорить не приходится³⁴. А философский факультет был помойной ямой.

Итак, первый момент. Фактически, ГП, констатируя ситуацию начала, понимает его как начало возрождения. Именно начало. Когда земля была выжжена, и приходилось всё начинать с нуля, при отсутствии людей и институтов. И свою задачу он понимал как *возрождение философии именно как института*, а не просто личное желание отдельного человека пофилософствовать.

Второй момент. В такой ситуации начала главной проблемой, которая стояла тогда в 40-годы в стране, акцентирует ГП, – это был кантовский вопрос (мы удивимся!) – что есть человек и «где существует человек»? Является ли он автономной целостностью или он только частица в рамках социальной матрицы, которая развивается по своим законам? Принадлежит ли творчество или мышление отдельному человеку или он, человек, принадлежит функциональному месту, которое занимает? ГП и отвечает: конечно, не индивиду, а функциональному месту [Щедровицкий 2004: 31]. Поскольку мышление существует вне людей и над людьми.

Но! Как личность человек может переходить с места на место [Щедровицкий 2004: 31]. Человек вообще существует как частица внутри массовидного целого и существует по законам этой массы. Внутри же этой массы человек движется по одной из множества траекторий. Либо перескакивает с одной

³³ О загадке генеза отечественной философской мысли говорили многие. Но так и не объяснили. Тот же Мамардашвили позже тоже недоумевал. Что, Зиновьев вырос из Бердяева? Нет, конечно. Из полупьяного лейтенанта Советской Армии. Этот генез – чистой воды прецедент. Фактически Мераб говорил просто о случайности этого генеза. Но при этом было «совпадение внутреннего пафоса и предмета, который с этим пафосом изучался <...>. Речь шла о том, что в Советском Союзе философии не было и она возникла заново, и внутри неё люди делали разные выборы. Скажем, Саша Зиновьев мог заниматься содержательной логикой на материале «Капитала», а мог и без него. «Капитал» был просто полигоном, и Зиновьева интересовала не политэкономическая и не политическая сторона труда Маркса, а образец чисто мыслительной работы, стиля, в котором, нам казалось, отпечатался сдвиг к какому-то новому типу мышления, причём в прошлом веке, и с тех пор акцент в проблематике сдвинулся в эту сторону». Случилось удивительное, уникальное стечение обстоятельств. Как бывает уникальное атмосферное явление, которое нельзя спрогнозировать и нельзя повторить. Оно просто случается [Мамардашвили 1991].

³⁴ Имя Л.М. Лопатина названо не случайно, поскольку он многое сделал именно для формирования философии как институции. Но Московское психологическое общество, председателем которого долгие годы был Лопатин (1989-1920 г.г.), прекратило существование в 1922 г. Также журнал «Вопросы философии и психологии», редактором которого был Лопатин, перестал выходить в 1918 г. Сам Лопатин скончался в 1920 г. Если бы он ещё немного пожил, то был бы, наверное, также сослан на «философском пароходе» в 1922 г. Это в лучшем случае. В худшем – расстрелян.

траектории на другую. И вся его свобода заключается в том, чтобы перескочить с одной траектории на другую.

Вот этот перескок (главнейшее событие!) на лекциях содержательно он не обсуждает. Но именно он и важен. Поскольку сам ГП только этим и занимался, что преодолевал эти социальные траектории в массовидном социальном теле, постоянно перескакивая их и более того – он сам тóрил свои траектории, двигаясь поперёк, по диагонали, вопреки социальным коммунальным машинам.

Сказанное напрямую относится к нашей теме. Что такое биография? В большинстве своём – это прохождение индивида по социальной траектории, по уже проложенному маршруту. Человек и не ведаёт, что идёт по ней, поскольку законы траектории уже определены и человек занимает определённое функциональное место.

С другой стороны, мыслящий, рефлектирующий человек постоянно сталкивается с границами мест, вылезает за их пределы и начинает тóрить свои маршруты, сильно рискуя своей биографией.

Здесь ГП как всегда провоцирует, поскольку большинству людей действительно не нужно мышление. Как не обязательна с точки зрения выживания и нравственность или не обязательно заниматься классической музыкой. Мышление – вещь вообще редкая. Оно редкое и красивое, как танцы лошадей, любил цитировать ГП одного скандинавского лингвиста Ульдаля. Человеку эти танцы не нужны, ибо он – место в функциональной структуре общества [Щедровицкий 2004: 33]. А вот личность отвоёвывает себе право не подчиняться законам места и бродить в этой социальной структуре [Щедровицкий 2004: 34].

По большому счёту пафос этих лекций ГП носил сугубо антропологический характер, поскольку на них ставилась проблема самоопределения человека, хотя слова такого (антропология) ГП не употреблял. Но проблема человека была сквозной, стержневой, и через неё ГП фактически ставил самоопределение своим слушателям, пытаясь снять, сорвать у них всяческие иллюзии. Смысл его действия такой же, какой был и на лекциях у Мамардашвили по Прусту. Поскольку, акцентирует ГП, как раз суждение о функциональном месте есть научное и абстрактное суждение, а в реальности как раз всё не так. И прищуривается.

Вся его речь на этих лекциях состоит из сплошных провокаций. Я читаю этот текст лекций (в который раз!) и слышу его голос, интонацию. То, как он ходит вдоль первого ряда. Грассирует своим «р», прищуривается и язвительно отвечает на реплики из зала. Это всё я видел, слышал, присутствовал. Точно так же было в 1985 г. И ещё несколько раз на его лекциях и на его играх.

Это не сразу понимаешь. В его речи, казалось бы, не перегруженной терминами, с ясными акцентами и суждениями, было скрыто сразу несколько смысловых слоёв. Фактически ГП не рассказывал. И не просто провоцировал. Он действительно работал здесь-и-теперь, с вопросами из зала, с реакциями людей, тут же их оборачивал, вбрасывал новую реплику, получал новую реакцию, снова провоцировал, снова вбрасывал реплику, снова получал реакцию, и так все шесть лекций, каждая несколько часов подряд.

Он этот метод подтвердил на второй лекции, назвав его «методом игровой имитации». Он не рассказывал, а работал с содержанием, которое вбрасывал в ходе разговора с аудиторией. По ходу сослался на Л. Витгентштейна: вся-

кий акт, действие не только сказывается, но и показывается. И я, говорит ГП, предпочитаю больше показывать, чем сказывать [Щедровицкий 2004: 48].

Понятно, что игровая имитация суть только форма коммуникации, но вопрос обсуждается принципиальный: попадая в социальную ситуацию, каждый человек решает вопрос – как ему жить? ГП не про абстрактную философию и методологию опять рассказывает. Он обсуждает с аудиторией сугубо нравственный, мировоззренческий вопрос самоопределения. И на своём примере своего отношения показывает ответ. А в этом ответе делает сугубо методологический заход: люди живут не в природе, не в мире объектов. Люди живут в пространстве мышления и деятельности. Они сначала, для того, чтобы жить как люди, строят это пространство, а потом в нём живут [Щедровицкий 2004: 49].

Но такое строительство своего пространства мышления и действия рискованно. И тем нахальным молодым людям, мало что знающим и умеющим тогда (Зиновьеву, ГП, Грушину), как признаётся сам ГП, приходилось начинать с нуля. Как тому мальчишке из фильма А. Тарковского «Андрей Рублев» в новелле «Колокол». Он ляпнул вдруг, что умеет лить колокол, хотя он это делал впервые. Отец ему тайны литья не раскрыл. ГП приводит этот пример, весьма характерный. Во-первых, человек делает большое дело впервые, но делая его сам, он тут же многое что научается делать. А, во-вторых, он делает именно Большое Дело, он льёт Колокол для Храма. Так и те молодые нахалы – они делали философию, причём мирового уровня. На меньшее они не соглашались. Но именно это человеческое окаянство двигало ими. И именно это окаянство, утверждает ГП, нам в настоящее время (в 1989 году) и предстоит снова восстанавливать [Щедровицкий 2004: 57]. А ныне этого нахальства ни у кого нет. Писатель пописывает, читатель почитывает.

Эта тема окаянства личности тоже сквозная у ГП. Она на его языке звучит просто, даже как-то банально, хотя и жёстко. Но за ней стоит ещё один методологический скреп по построению биографии.

Что означало это окаянство личности? Оно означало задавание онтологической растяжки – между истоком, началом, толкающим человека на самоопределение, с одной стороны, и предельным горизонтом, задающим масштаб его судьбе, с другой. Расстояние между истоком и горизонтом и есть жизненное пространство биографии (см. подр. в наших работах [Смирнов 2015; 2016]). ГП фактически рассказывает про эту растяжку: с одной стороны, нулевая ситуация Начала, запускающая процесс жизненного самоопределения, с другой стороны – предельная экзистенциальная амбиция молодых людей, заряженных фактически на жизненный Подвиг³⁵. Масштаб и натянутость (энергичность) растяжки бывают разными в зависимости от масштаба личностных амбиций. Но схема принципиальна (рис. 4). Так ставятся рамки для любой биографии. А между ними – несущие и мостящие эту биографию события (встреча молодых людей, создание Кружка, конференции, игры и проч.). А вот что такое событие и событийность – надо обсуждать отдельно (см. ниже).

Но, замечает ГП, несмотря на заявленное окаянство и установку себе этого предела, границ собственных действий мы знать не могли. Мы были просто наглые и амбициозные. И у нас были ценности и принципы. Например, если

³⁵ Некоторые в своих воспоминаниях называют, например, А. А. Зиновьева подвижником. К ГП это определение как-то обычно не применяется. К Мерабу – тем более.

человек поступает по-скотски, то его надо бить по морде. Тут же. Не молчать и не уходить в сторону из вежливости или трусости.

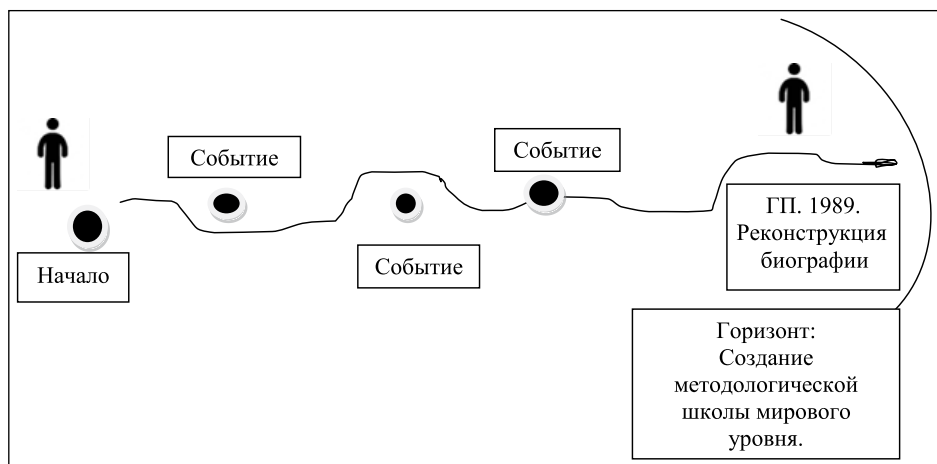

Рис. 4 Жизненная навигация

Тем самым горизонт-предел был поставлен сугубо экзистенциальный, на всю жизнь, а реально и содержательно он мог оттягиваться и далее, продолжаясь и после физической жизни его носителей. Но именно «в той беспредельности и в нерасчётливости, в отсутствии оценки своих сил и различения достижимых целей и недостижимых» и состоит успех настоящего Большого Дела [Щедровицкий 2004: 58]. Надо было быть «настоящим буйным», по Высоцкому. Но этот предельный горизонт в конкретной ситуации действия ставится так, как будто он находится на расстоянии протянутой руки, и мы можем схватить его! И только так и надо было действовать, и так люди и должны жить [Щедровицкий 2004: 58].

Удивительное дело, ГП вовсе и не собирался, например, строить, разрабатывать методологический концепт автобиографического дискурса. Но фактически он это и делал в своих выступлениях. Он его предложил. А мы идём по его следам и восстанавливаем его логические ходы.

Что означает эта установка предела по своему способу действия? Что ГП конкретно делал тогда, в самом начале? Он ходил по курсам разных вузов и вербовал студентов. Набралось порядка 200. Он начал вербовку пиратов на свою пентеконтеру, набирал молодых ребят, которые никак не вписывались или не хотели вписываться в традиционный уклад жизни и немиссия на факультете. Заметим: будучи сам настоящим комсомольским активистом. Здесь ГП ссылается очередной раз на статью М. К. Петрова о пентеконтере [Щедровицкий 2004: 59; Петров 1987]. Молодым людям нужно было организовать пространство для работы. Таким пространством и стал Кружок, этакий пиратский корабль, со своей палубой и своим поисковым, зигзагообразным маршрутом движения.

Понятно, что далее молодые люди, основатели Кружка, четыре диастанкура, потом разбежались и очень быстро, каждый пошёл своей дорогой, но не в связи с тем, что кто-то ставил себе предел, а кто-то нет. Все они были с большой амбицией состоять в истории. Но онтологические картины, концептуальные основания для своих позиций они фундировали разные. По-

этому Мераб ушёл в философию, Зиновьев в логику и далее – в Роман (оба были как лейбницевские монады, гуляющие сами по себе одинокие волки), Грушин, активный комсомольский лидер, ушёл в прикладную социологию, в изучение общественного мнения, а ГП был единственным, кто пытался держать на себе исходную задачу – возрождение отечественной философии и методологии как Института³⁶. И потому Кружок стал только его Делом.

То, что он оказался единственным носителем и держателем Кружка, капитаном пентеконтеры, связано как раз не с тем, что у него оказалось больше окаянства. Полагаю, что его окаянство и его Метод, его онтологическая картина, наверное, оказались наиболее адекватны друг другу. В том смысле, что сам способ его мысли и действия как нельзя точно совпал с его онтологией мыслительности. Если свой путь человек проторивает, то по этому способу жизни он и выкладывает соответствующую онтологию. Поэтому Методология оказалась наиболее органичной как для жизни ГП, так и для его мысли.

Характерен пример, который он привёл. Представим, что мы идём в лесу по тропинке. Или по дороге. Или едем по рельсам. Они одновременно показывают и направление, и след. Что раньше? Направление или след? Я сначала наступаю и проториваю дорожку или я уже иду по колее? Только относительно процедуры возникновения дорожки можно говорить, что было раньше: я протопал и получилась дорожка или сначала была эта дорожка и я по ней потопал? Этот пример ГП приводит для показа того, что такое предмет в методологии. Предмет – это знаковая фиксация метода. Когда выкладывается структура предмета, то задаётся тем самым и метод предметной работы [Щедровицкий 2004: 75].

Пример явно показывает: сам способ методологической работы и выстраивание предмета самой методологии соответствует и способу, методу самой жизни автора. Здесь – самого ГП. Методологические средства, которые он выработывал, одновременно выступали и рефлексивными средствами для обоснования и понимания им самим собственной позиции и поступков. И поэтому можно сказать и так: ГП есть живое воплощение и реализация СМД-подхода.

Эти лекции ГП (как, впрочем, и все остальные) и были посвящены попытке выстраивания связи на своём примере между внешним окружением, средой, и внутренней индивидуальной жизнью человека. Он так и фиксирует. Фактически это и есть поиски ответа на вопрос: что такое человек? В какой степени он определён извне его окружением, экстерииоризирован, и в какой степени он внутренне из самого себя определён? В какой степени смысл и содержание его действий идёт изнутри его? Эта связка сложнейшая, признаёт ГП. И он не знает примера работ из мировой литературы, в которых бы этот вопрос решался удовлетворительно [Щедровицкий 2004: 83]. ГП в 1989 году не знал таких работ! Его СМД-подход был попыткой дать решение этой проблемы. Поскольку ключевым в методологии и становится самоопределение личности. Если его человек не осуществляет, если он не имеет за своими плечами процедуры реального и публичного самоопределения, то человеком он не становится. И это признак не паспортного возраста. Это признак того самого окаянства личности.

³⁶ При этом – характерная ремарка: «Свезло мне или нет – это скажут последующие поколения людей. Если мне свезло, меня зачислят в великие философы, учёные, или еще куда-то. Если не свезло – скажут: ну, ошибся, путаник» [Щедровицкий 2004: 63].

ГП фактически повторял в этих лекциях куски своей биографии, которую более подробно рассказывал в интервью 1980-81 г.г. (см. выше). На этом же примере про самоопределение он показывает, что тогда свои действия на философском факультете и сам свой переход с физфака на философский строились как раз как акты самоопределения. И каждый тогда должен был определиться, отвечая на вопрос: кто я? А сама социокультурная ситуация выталкивала человека на это самоопределение. Насильно!

Но главное дальше. Ну, хорошо. А что должен делать человек в этой ситуации? Что такое самоопределение по действиям? И ГП это показывает. По шагам. Раз, два, три...

Человек выходит в рефлексию, анализирует свою ситуацию, а затем он должен результат рефлексии оформить в мыслительной форме и далее предъявить в речевом высказывании в коммуникации другим. А стало быть, без коммуникации и без Кружка никак нельзя было. Можно сколько угодно сидеть в кабинете или у себя дома, за книжкой и размышлять о тяготах жизни. Но реальный акт самоопределения осуществляется именно в акте коммуникации, а не у себя дома: «Нужна группа, нужен кружок, нужно ощущение, что он (человек – С.С.) берёт на себя работу исторического времени. Работу, которая приходится на всю жизнь» [Щедровицкий 2004: 89]. И если у очередного поколения нет таких людей, претендующих на такое социокультурное окаянство или наглость вершить историю, то такое поколение – неисторическое поколение, которому в истории жить не удастся [Щедровицкий 2004: 93-94].

Что делает здесь ГП? Он предъявляет устную версию некоего пособия, курса для молодого бойца: что такое самоопределение и какие шаги необходимо сделать, чтобы оно состоялось в полной мере. На этом языке это также можно представить и как сжатый конспект по выстраиванию собственной автобиографии, её рефлексии и управления ею, то есть *единицу личностной навигации – акт (событие) самоопределения*.

Итак, человек вляпывается в определённую социокультурную ситуацию. Ещё точнее – он создаёт ситуацию, в которой ему приходится делать выбор.

Если ситуация его не устраивает (поскольку работает правило экзистенциального окаянства, базирующееся на основе ценностей и принципов), то он рефлексировать по её поводу максимально честно (если он с ободранной кожей и хорошо и остро её чувствует), выходит в рефлексию и оформляет её в мыслительной форме. Не хлопает дверью и не обзывает всех дураками (хотя внешне это так выглядит), – а оформляет своё несогласие и своё видение в мысли.

Далее, чтобы оформить ситуацию в мыслительной форме, необходимо понимать всемирный контекст, контекст мировой культуры, наработанные до него эталоны и образцы. Иначе человек будет изобретать самоделки и самопалы. Собственная рефлексия ситуации необходимо перемежается с работой с образцами, наработанными в культуре.

Итак, человек зарабатывает и предъявляет своё видение и понимание ситуации, с тем, чтобы её изменить. Он предлагает свой ответ на вопрос: что делать?

Далее более развернуто человек вырабатывает и предъявляет план, программу своих действий на фоне предельного горизонта, дабы изменить ситуацию, которая его не устраивает.

Результаты этой рефлексивной работы необходимо оформить в свой идеальный мир, построить его. Эта действительность его идеального, построенного им мира и придаёт смысл его дальнейшим действиям. Пока он не построит действительность своего идеального мира, он человеком не станет [Щедровицкий 2004: 94]. Вот так жёстко. Эти шаги можно оформить в виде опорной схемы (рис. 5).

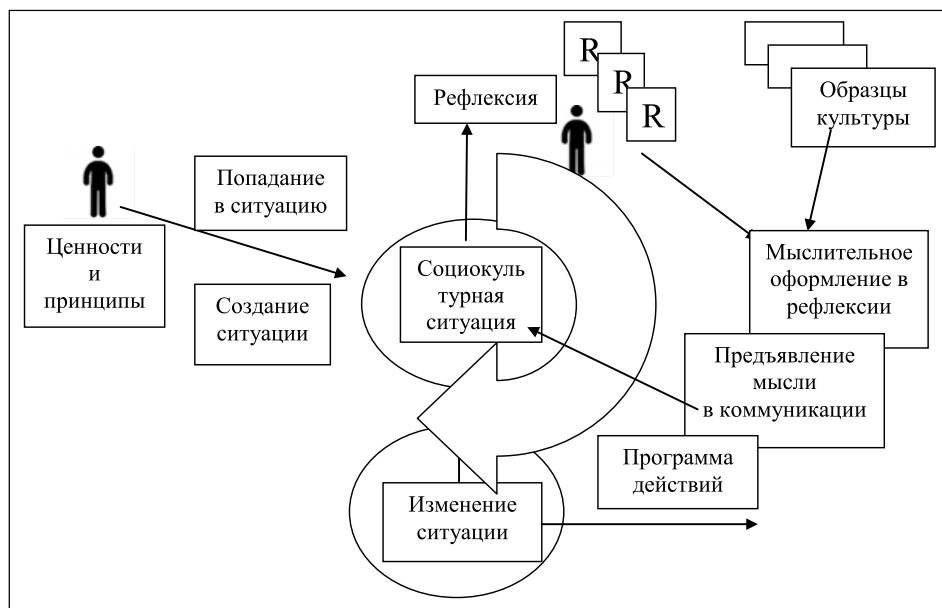

Рис. 5 Событие самоопределения

Мы могли бы, конечно, просто сослаться на базовую работу ГП о схеме МД [Щедровицкий 1995: 281-299]. Но она сама по себе не описывает акт самоопределения как единицу. Этот акт в данной схеме свёрнут, спрятан. Её саму придётся развернуть и распредетить, чтобы показать по шагам то, что делает человек, попадая в социокультурную ситуацию и проделывая акт самоопределения.

Если мы обратимся к основной тематике современного автобиографического дискурса, то увидим, что многие авторы сталкиваются с проблемой – что считать единицей (авто)биографии? Из каких кирпичиков она состоит? В поисках ответов исследователями предлагались разные варианты – «биографемы», «автографемы» или что-то ещё в этом роде (см. об этом [Сапогова 2019]). Многие полагают, и вполне справедливо, что таковой единицей выступает событие (отличное от случая, происшествия, эпизода, отдельной истории)³⁷. Я сам так долгое время считал и даже соглашусь с этим и сейчас.

³⁷ Эта традиция заложена давно, см. работы [Бахтин 2003; Хайдеггер 2009; Зиммель 2017; Сапогова 2019; Смирнов 2016]. В рамках событийного подхода (или событийной парадигмы, к сторонникам которой относится и автор этих строк) при этом выделяются разные типы и критерии событийности. М. Н. Эпштейн, например, называет три типа события – поступок, случайность, свершение. Е. Е. Сапогова добавляет – есть ещё преодоление [Сапогова 2019: 162-163]. Но во всех случаях эти события у этих авторов какие-то сказочные. Они свершаются как-то вдруг, чудесным образом, так, как будто человек уже готов и способен его совершать, он почему-то либо уже готов, либо ещё не готов, либо оно свершается само собой. Тогда это либо дар свыше, либо случай. В то время, как событие самоопреде-

Но какое событие? И что есть событие? Под ним многие понимают эпизод, резко изменяющий жизнь человеку. Но при этом он не был предсказуем, и он никак этим героем не был подготовлен. Но он случается! Полагаю, что такое суждение нам мало что даёт. Под такое понимание можно подложить что угодно: падающий на голову кирпич, смерть близкого, автокатастрофу, в пределе – покаяние, признание вины, уход к Богу и проч. Мы рискуем попасть в капкан мифа, в котором работает сказочный принцип «вдруг!»: и тут вдруг! Раз – и чудо свершилось! И обратился Иванушка неписанным царевичем. Принцип мифологического обращения не предполагает сознательного действия героя. Не он действует. Это с ним случается.

С точки зрения личностной навигации более адекватным будет выделение такой единицы, как *событие самоопределения*. Не просто неожиданный случай, падение кирпича на голову или революция, или война, или встреча любимого человека. Со стороны жизнь человека и кажется такой цепочкой событий, точек, событийных всплесков (см. рис. Жизненная навигация). Но каждая точка, если войти в неё, потому и становится событием, что она включает в себя сложное многошаговое действие на самоопределение. Если оно осуществляется, понятным становится, почему то, что произошло, становится событием (или не становится, если не осуществляется). Масштаб события самоопределения мы здесь не обсуждаем. Таковым может быть и выход ученика из класса, если он считает, что учитель не прав. Но этот вопрос свершения акта самоопределения всегда решается в конкретном контексте конкретной ситуации.

Мало было встретиться молодым людям тогда, на философском факультете и образовать группу наглых и амбициозных. Каждому необходимо было ещё осуществить свой акт самоопределения. Он и становится событием в жизни каждого. А их встреча уже включена в сам акт самоопределения. Сама по себе встреча не могла ничего сделать. И этот круг на самоопределение проделал каждый, по-своему, исходя из своего окаянства, и запустил свою траекторию жизненной личностной навигации.

Понятно, что в таком развёрнутом и рефлексивном виде событийность не происходит всегда и с каждым. И не у каждого философа выстраивается таким образом его философская автобиография. Но в том или ином виде каждый, претендующий на то, чтобы состояться в этой жизни как философ (у ГП рамка шире – как человек в истории) так или иначе осуществляет этот акт самоопределения. Что он делает затем, задним числом, и как он описывает свою жизнь, впадая в те или иные редукции или нет – это вопрос отдельный, мы его обсуждали в наших работах [Смирнов 2018; 2019].

Вместе с тем ригоризм ГП таков же, каков и у Мамардашвили: если не услышишь, не осуществляешь акт самоопределения, то и не живёшь. Этот акт приходится проделывать постоянно, повторять раз за разом. А можно и не повторять. Или вообще не делать. А значит – не жить. Но тогда тебя как бы и нет. И получается неожиданный, но логический вывод: коли так, то и биографии у тебя быть не может. Не о чем писать, если жизни нет! И тебя самого нет как автора. Автор в тебе рождается тогда, когда ты это событие самоопределения строишь. А если не строишь – то и нет тебя. Если с тобой происходят слу-

ления строится, конструируется, через личностное усилие и акт мышления. И готового ресурса внутри человека, строящего акт самоопределения, для его совершения нет. Он нарабатывается. В духе акта культурного развития по Л. С. Выготскому.

чай, то какие же это события? Всё именно случается, само собой. Как в сказке. Вдруг, бах, тарарах! Всё случилось чудесным образом!

А потому ты и не понимаешь, почему всё так сложилось. Как-то так, само собой. И ты тогда сидишь и вымучиваешь, буквально сочиняешь, придумываешь то, чего и не было – свою жизнь. Этакий сочинитель. А жизни не было – потому что ты ни разу не осуществил акта самоопределения. И потому и событий не было. Ничего и не произошло. Так как-то, по мелочи, ходил, пыхтел, бурчал, воздух коптил. А вспомнить-то нечего.

Вернёмся на лекции ГП. Итак, фактически здесь и во многих других местах он повторяет, вновь и вновь осмысляет в разные периоды жизни одно самое главное для него событие самоопределения – первое, период встречи четвёрки и их Начало. И всякий раз отмечает: самое главное случилось уже тогда [Щедровицкий 2004: 119]. Это главное заключалось ведь не в том, что всё уже стало понятно по содержанию концепций и теорий. Содержание как раз только ещё маячило на горизонте, ещё предстояло строить теорию мышления и теорию деятельности и многое другое. Но главное уже случилось. Был запущен механизм, была заложена мощная пружина жизненной энергии самоопределения и спущена – и она вытолкнула ГП на всю остальную жизнь, и так мощно, что до конца жизни он признавал силу и значимость Начала.

Смысл и содержание этого Начала были сугубо мировоззренческими, относящимися к позиции, нравственным ориентирам и ценностным приоритетам. Это было Начало-исток. Не определение в каких-то идеях, именах, теориях, хотя и это тоже было, но не это главное. Строилось, закладывалось самоопределение в отношении к жизни, людям, в идеалах и ценностях.

Примером этого акта самоопределения для ГП на всю жизнь оставался опять же Зиновьев, на которого ГП неоднократно ссылается: дело не в том, какую и как задачу решаешь, а в том, какие направления жизни выбираешь [Щедровицкий 2004: 136]. Этот момент принципиальный, поскольку образ Г. П. Щедровицкого в сознании многих его квазипоследователей и эпигонов часто сводится к образу такой мощной интеллектуальной машины, которая прёт как танк напролом, людей не замечает, бьёт наотмашь, жёстко и больно, так, что от него отлетали не только эпигоны, но и соратники, и ученики. Но отлетая, они запускали свои траектории развития, а много лет спустя с теплотой и благодарностью вспоминали Учителя.

Если ещё раз рефлексивно обратиться к способу работы ГП по выстраиванию им своего автобиографического дискурса, то он у него постоянно организуется вокруг возвращений к тому самому Началу.

Дальше от начала – и снова возвращение, снова дальше от начала, и снова возвращение. Как будто ему надо было постоянно возвращаться к тому Истоку, чтобы получить от него энергию жизни и оправдание, чтобы снова выбросить новую петлю на новый рывок вперёд, с тем, чтобы вновь потом вернуться к Началу, и затем снова сделать проброс вперёд (рис. 6).

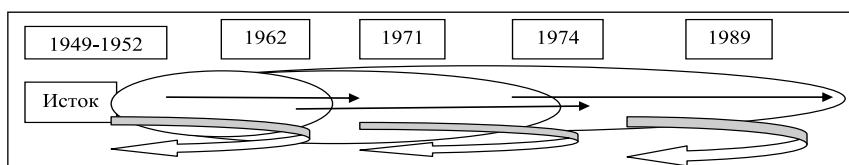

Рис. 6 Жизнь как эпистрофа

И так до конца дней своих. И всю жизнь свою он сверял с Началом, с Истоком. И если бы не то удивительное начало, та случайная встреча четвёрки, то, возможно, и не было бы Кружка, никакой СМД-методологии, игр, и всего того, что обычно связывают с именем Г. П. Щедровицкого. Но для него самого главным было то, что случилось тогда в 1949-1952 годах. А всё остальное – уже следствие произошедшего.

Но дальше требование к себе остаётся неизменным: «...если мне удастся подготовить 100-150 методологов на страну, я умру спокойно. Поскольку они дальше будут по принципу лавины готовить следующих <...>. Но они должны быть методологически подготовленными и жить в методологии. Поэтому я занимаюсь развитием методологической Касталии. Но не вообще Касталии, а методологической. И эта методологическая Касталия нужна *мне*. Мне лично!» [Щедровицкий 2004: 227].

Версия 1994 г. Гипостаза мысли

Редактор журнала «Вопросы методологии», М. С. Хромченко, взявший это интервью, утверждает, что оно едва ли не последнее в жизни Учителя³⁸.

Принципиально нового мы здесь вроде бы ничего не узнаем. Но слышим страстный монолог человека, защищающего свой принцип жизни и самого себя, отвечающего на вопрос – что он есть как живое существо: «Со всех сторон я слышу: человек! ... личность! Вранье всё это: я – сосуд с живущим, саморазвивающимся мышлением, я есть мыслящее мышление, его гипостаза и материализация, организм мысли <...> я есть сгусток мышления и обязан жить по его законам. <...> я страстен в одном – в растворении себя в своей собственной мысли, в подчинении ей всей своей жизни. Я всегда мыслю, и это есть наслаждение, равных которому я не знаю. Я все время подразумеваю одно: я есть кнехт, слуга моего мышления <...>. В какой-то момент – мне было тогда лет двадцать (см. выше – С.С.) – я ощутил удивительное превращение, случившееся со мной: понял, что на меня село мышление и что это есть моя ценность и моя, как человека, суть. Я сделал это принципом и несущим его сквозь всю свою жизнь» [Щедровицкий 1994: 9].

Декартов принцип *cogito* так же, как и для Мераба, выступает его принципом жизни: «Я действительно существую как Я, только когда мыслю, и это есть для меня моя жизнь. Но это же – моя ограниченность, моя специфика, и вполне возможно, что я – в силу этого – есть социокультурный урод, хотя как такой урод я себе очень нравлюсь и себя в такой роли очень люблю» [Щедровицкий 1994: 9].

Пожалуй, достаточно. Были в интервью ещё другие мысли о природе игры, о ситуации в стране и т. д. Нам же важно заметить, что ГП добавил несколько очень мощных красок на свой автопортрет.

Что мы слышим? Он не имитирует и не лукавит. Это ведь очевидно. Но также очевидно и то, что коли так, то ведь это не он говорит, если держать его логику, его позицию. Говорит не физический индивид, сидящий напротив нас в пиджаке и штанах. Это нам глаголет само Мышление. ГП ведь утверждает следующее: на меня село мышление и через меня говорит. И я действую

³⁸ См.: «Сладкая диктатура мысли» [Щедровицкий 1994: 9-12].

и живу по его законам, а не по своим. У меня нет и не может быть своих законов. И я сам есть всего лишь орган мышления. И я, наверное, в этом плане урод, но так уж я устроен: я есть организм мысли. И со мной только так и надо обращаться. Не как с индивидом, а как с особым органом, действующим по законам особой субстанции. И потому всё наше поведение – лишь «пропечатка мощи самих нами используемых социокультурных форм, но никак не творение индивидуального ума» [Щедровицкий 1994: 12].

Но ведь что получается? Получается, что вся его биография и есть биография формирования такого органа, биография вхождения Мышления в отдельное существо, в результате чего это существо переживает преобразование и начинает действовать по его законам. А это не что иное, как реальный мистический опыт, а ГП становится *мистагогом, посвящённым в тайны Мышления и пережившим опыт преобразования. А осмысление этого феномена преобразования, автобиография, становится рефлексивным дневником самонаблюдений за этим мистическим опытом.*

В таком случае они и кружок свой строили как такое эзотерическое общество, куда входят неофиты, проходят опыт посвящения и там живут. А если не выдерживают, то отваливаются, причём с печальными последствиями – будучи разобранными личностями, с разного рода деструкциями³⁹. Это заметил, и давно, В. М. Розин. Он заметил, что Кружок был фактически эзотерическим сообществом. Оно локально, закрыто. Но оно как раз и закончило своё существование. Кружок существовал 15 лет. Он закончился с выходом из него В. Я. Дубровского в нач. 70-х. Важным при этом в кружке было не само по себе содержание, не теория, не онтологические представления, а стиль мышления. Именно оно нас всех объединяло, замечает Розин (нас – Розина, Генисаретского, Сазонова, самого ГП). А завершив свой цикл, Кружок постепенно превратился в некое собрание методологов-схоластов. То есть в общество закрытого типа, оторванное от живых проблем культуры. А потому содержание из Кружка ушло, ушли реальные исследования. И Учитель, будучи эзотерической, суггестивной личностью, стал излагать, распространять своё Учение, стал вождём, гуру. Здесь мышление и закончилось [Розин 1991].

Эзотерический характер отмечал вообще-то и сам ГП, признававший, что Кружок сочетает в себе эзотеричность и экзотеричность. Но признавая качества эзотерического сообщества, ГП всё же пытался ему придать качества научного методологического сообщества, производящего продукт. Например, надо было просто учиться писать статьи, оформляя результат семинарских бдений

³⁹ Что отмечал и сам ГП в одном из своих докладов о судьбе семинара в 1981 г. [Щедровицкий 1999]. Здесь он подтверждает своё суждение, что методология есть способ жизни, и если ты выходишь из Кружка, то это отдельная проблема, и надо уметь выходить из него. Человек ведь становится «элементом семинара». Его выход из семинара сложен, чреват и надо уметь из него выходить. А «выходить надо достойно, самоопределившись по-новому». Но получается, что «выходящий из семинара просто морально и нравственно ломается». Этот выход ломает человека, он потом долго ещё собирает себя по кусочкам [Щедровицкий 1999: 162]. Я на своем опыте это пережил несколько раз, выходя из очередной игры. Когда выходишь из большой 10-дневной игры, то переживаешь сильную ломку, возвращаясь вновь в эту реальную, коммунальную жизнь. И если ты себе подпорки специальные не подстроил, то тебе будет сложно. Вплоть до желания уйти с работы, сменить профессию и проч.

и обсуждений в научные тексты. Но многие участники не умели и не хотели учиться это делать. Например, С. Б. Поливанова так и призналась: «Я вступала в эзотерический семинар!» [Щедровицкий 1999: 166].

Но объективно, при всей спорности суждений Розина, он отметил ровно то, что отметил и сам ГП: феномен преодоления индивидуальности, отдельности, телесности, замкнутости отдельной корпускулы (человека в штанах) – и выход в пространство открытой чистой мысли. Переживая акты мышления, человек испытывает неизъяснимое наслаждение, что и отметил ГП. Розин тем самым просто подтвердил то, против чего он сам и выступал, хотя затем параллельно методологии он занялся историей эзотерических учений.

Даже если и так, но мы замечаем важнейший момент: говорящий так про себя, ГП, рассказывающий таким образом про свою судьбу, если последовательно держать эту линию, перестаёт быть собой, то есть отдельной атомарной личностью. Он растворяется в рассеянии энергии мысли. И здесь заканчивается не только методология, но и всякая личность.

Хотя, полагаю, что такой разговор для ГП был скорее использован им в назидательных, педагогических целях, дабы сподвигнуть своих учеников на новые свершения и новые высоты. И у него это получалось. И так – несколько раз, с каждым новым поколением входящих неофитов.

Библиография

- Бахтин 2003 – *Бахтин М. М.* Собрание сочинений. Т. 1. Философская эстетика. 1920-х годов. Москва: Русские словари; Языки славянской культуры, 2003.
- Бродский 1999 – *Бродский И.* Меньше единицы: Избранные эссе. Москва: Изд-во Независимая газета, 1999. 472 с.
- Выготский 1986 – *Выготский Л. С.* Конкретная психология человека // Вестник Московского университета. Сер. 14. Психология. 1986. № 1. С. 52–65
- Грушин 1994 – *Грушин Б. А.* «Мы пытались ответить на кардинальные вопросы...» // Вопросы методологии. 1994. № 1–2. С. 18–27.
- Давыдов 1995 – *Давыдов В. В.* История работы Комиссии по логике и психологии мышления (к 25-летию) // Вопросы методологии. 1995. № 1–2. С. 109–111.
- Давыдова 1994 – *Давыдова Г. А.* Научная биография Г. П. Щедровицкого // Вопросы методологии. 1994. № 1–2. С. 5–9.
- Зиммель 2017 – *Зиммель Г.* Избранное. Созерцание жизни. Москва: Центр гуманитарных инициатив, 2017. 400 с.
- Зиновьев 2001 – *Профессиональное кредо.* Мой путь в науке. Интервью с профессором А. А. Зиновьевым // Личность. Культура. Общество. 2001. Т. III. Вып. 4(10). С. 278–334.
- Ладенко 1996 – *Ладенко И. С.* Г. П. Щедровицкий в развитии генетической логики и методологического движения // Интеллектуальные торпеды. Материалы научной конференции памяти Г. П. Щедровицкого «Георгиевские чтения». 21-22 февраля 1995 г. Новосибирск. 1996. С. 8–36.
- Мамардашвили 1991 – *Мамардашвили М. К.* Начало всегда исторично... // Вопросы методологии». 1991 г. № 1. С. 44–53.
- Мамардашвили 2014 – *Мамардашвили М. К.* Психологическая топология пути. Москва: Фонд Мераба Мамардашвили, 2014.
- Педагогика и логика 1993 – *Педагогика и логика.* Москва: Касталь, 1993.
- Петров 1987 – *Петров М. К.* Пентеконтера. В первом классе европейской школы мысли // Вопросы истории естествознания и техники. 1987. № 3. С. 100–109.

- Пинский 1997 – *Пинский А.* Был ли Г. П. Щедровицкий методологом? // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах. 1997. Вып. 18. С. 2–6.
- Пископфель 1995 – *Пископфель А.* К творческой биографии Г. П. Щедровицкого // Щедровицкий Г. П. Избранные труды. Москва: Шк. Культ. Пол., 1995. С. XIII–XXXVII.
- Проблемы 1986 – *Проблемы* логической организации рефлексивных процессов. Тезисы докладов и сообщений к научно-методической конференции. 2-4 декабря 1986 года. Новосибирск, 1986.
- Розин 1991 – *Розин В. М.* Сообщество, в которое я вошёл, было, безусловно, эзотерическим // Кентавр. Методологический и игротехнический альманах. 1991. № 2.
- Сапогова 2019 – *Сапогова Е. Е.* Лабиринты автобиографии. Экзистенциально-нарративный анализ личных историй. Санкт-Петербург: Алетейя, 2019. 364 с.
- Смирнов 2015 – *Смирнов С. А.* Онтология человека: рамки и топика // Вопросы философии. 2015. № 11. С. 38–49.
- Смирнов 2016 – *Смирнов С. А.* Антропологический навигатор. К событийной онтологии человека. Новосибирск: Офсет, 2016. 438 с.
- Смирнов 2018 – *Смирнов С. А.* Антропология автобиографии. Часть 1. Автобиография: Проблема метода // Человек.RU. 2018. № 13. С. 66–103.
- Смирнов 2019 – *Смирнов С. А.* Антропология автобиографии. Автор и топика // Человек. RU. 2019. № 14. С. 24–55.
- Хайдеггер 2009а – *Хайдеггер М.* Вклады в дело философии. От события. Пер. Э. Сагетдинова // Ἑρμηνεία. Гермения. Журнал философских переводов. 2009. № 1(1). С. 56–94.
- Чтения 2004 – *Чтения* памяти Г. П. Щедровицкого. 2002 – 2003 гг. Доклады и дискуссии. Москва: Изд-во Шк. Культ. Полит. 2004.
- Щедровицкий 1994 – *Щедровицкий Г. П.* Сладкая диктатура мысли // Вопросы методологии. 1994. № 1–2. С. 9–12.
- Щедровицкий 1995 – *Щедровицкий Г. П.* Избранные труды. Москва: Шк. Культ. Полит., 1995. 800 с.
- Щедровицкий 1997 – *Щедровицкий Г. П.* Философия. Наука. Методология. Москва: Шк. Культ. Политики, 1997. 656 с.
- Щедровицкий 1999 – *Щедровицкий Г. П.* Судьба «вторничного» семинара // Вопросы методологии. 1999. № 1-2. С. 159–167.
- Щедровицкий 2001 – *Щедровицкий Г. П.* Я всегда был идеалистом... Москва: «Путь», 2001.
- Щедровицкий 2003 – *Щедровицкий Г. П.* Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология (курс лекций) / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 4. ОРУ (1). 2-е изд., Москва, 2003.
- Щедровицкий 2004 – *Щедровицкий Г. П.* Московский методологический кружок: развитие идей и подходов / Из архива Г. П. Щедровицкого. Т. 8. Вып. 1. Москва: Путь, 2004. 352 с.

References

- Bakhtin 2003 – Bakhtin M. M. Collected Works. Vol. 1. Philosophical aesthetics. 1920 years. Moscow: Russian dictionaries; Languages of Slavic Culture, 2003. In Russian.
- Brodsky 1999 – Brodsky I. Less than one: Selected essays. Moscow: Publishing House of Independent Newspaper, 1999. 472p. In Russian.
- Davydov 1995 – Davydov V. V. History of the Commission on Logic and Psychology of Thinking (to the 25th anniversary). *Questions of methodology*. 1995. No. 1–2. P. 109-111. In Russian.
- Davydova 1994 – Davydova G. A. Scientific biography of G. P. Shchedrovitsky *Questions of methodology*. 1994. No. 1–2. P. 5-9. In Russian.

- Grushin 1994 – Grushin B. A. “We tried to answer the cardinal questions ...” *Questions of methodology*. 1994. No. 1–2. P. 18–27. In Russian.
- Heidegger 2009a – Heidegger M. Beiträge zur Philosophie. Vom Ereignis. Transl. E. Sagetdinov. *Ἑρμηνεία. Hermeneus. Journal of Philosophical Translations*. 2009. No 1 (1). P. 56–94. In Russian.
- Ladenko 1996 – Ladenko I. S. G. P. Shchedrovitsky in the development of genetic logic and methodological movement. *Intellectual torpedoes*. Materials of the scientific conference in memory of G. P. Shchedrovitsky “George’s Readings”. 21 – 22 February 1995 Novosibirsk. 1996. P. 8–36. In Russian.
- Mamardashvili 1991 – Mamardashvili M. K. The beginning is always historical ... *Questions of methodology*. 1991 No 1. P. 44–53. In Russian.
- Mamardashvili 2014 – Mamardashvili M. K. Psychological topology of the path. Moscow: Merab Mamardashvili Foundation, 2014. In Russian.
- Pedagogy and Logic 1993 – Pedagogy and Logic. Moscow: Kastal, 1993. In Russian.
- Petrov 1987 – Petrov M. K. Pentekontera. In the first grade of the European school of thought. *Questions of the history of natural science and technique*. 1987. No 3. P. 100–109. In Russian.
- Pinsky 1997 – Pinsky A. Was G. P. Shchedrovitsky a methodologist? *Centaur. Methodological and game-technical almanac*. 1997. Issue 18. P. 2–6. In Russian.
- Piskoppel 1995 – Piskoppel A. To the creative biography of G. P. Shchedrovitsky *Shchedrovitsky G. P. Selected works*. Moscow: School. Cult. Pol., 1995. P. XIII – XXXVII. In Russian.
- Problems 1986 – Problems of the logical organization of reflexive processes. Theses of reports and messages for the scientific and methodological conference. December 2-4, 1986. Novosibirsk, 1986. In Russian.
- Readings 2004 – Readings in memory of G. P. Shchedrovitsky. 2002 – 2003. Reports and discussions. Moscow: Publ. house School Cult. Polit. 2004. In Russian.
- Rozin 1991 – Rozin V. M. The community that I entered, was, of course, esoteric. *Centaur. Methodological and game-technical almanac*. 1991. No 2. In Russian.
- Sapogova 2019 – Sapogova E. E. Autobiography labyrinths. Existential-narrative analysis of personal stories. St. Petersburg: Aleteya, 2019. 364p. In Russian.
- Shchedrovitsky 1994 – Shchedrovitsky G. P. Sweet dictatorship of thought. *Questions of methodology*. 1994. No 1–2. P. 9–12. In Russian.
- Shchedrovitsky 1995 – Shchedrovitsky G. P. Selected Works. Moscow: Publ. house School Cult. Polit., 1995. 800p. In Russian.
- Shchedrovitsky 1997 – Shchedrovitsky G. P. Philosophy. The science. Methodology. Moscow: Publ. house School Cult. Polit., 1997. 656p. In Russian.
- Shchedrovitsky 1999 – Shchedrovitsky G. P. The fate of the “Tuesday” seminar. *Questions of methodology*. 1999. No 1-2. P. 159-167. In Russian.
- Shchedrovitsky 2001 – Shchedrovitsky G. P. I have always been an idealist ... Moscow: “Put” Publ., 2001. In Russian.
- Shchedrovitsky 2003 – Shchedrovitsky G. P. Organizational and managerial thinking: ideology, methodology, technology (course of lectures) / From the archive of G. P. Shchedrovitsky. Vol. 4. OLM (1). 2-nd ed., Moscow, 2003. In Russian.
- Shchedrovitsky 2004 – Shchedrovitsky G.P. Moscow methodological circle: development of ideas and approaches / From the archive of G.P. Shchedrovitsky. Vol. 8. Issue 1. Moscow: Put Publ., 2004. 352p. In Russian.
- Smirnov 2015 – Smirnov S. A. Human ontology: frameworks and topic. *Questions of Philosophy*. 2015. No 11. P. 38–49. In Russian.
- Smirnov 2016 – Smirnov S. A. Anthropological navigator. Towards the eventual ontology of man. Novosibirsk: Offset, 2016. 438p. In Russian.

- Smirnov 2018 – Smirnov S. A. Anthropology of autobiography. Part 1. Autobiography: The problem of the method. *Chelovek.RU*. 2018. No 13. P. 66–103. In Russian.
- Smirnov 2019 – Smirnov S. A. Anthropology of autobiography. Author and topic. *Chelovek.RU*. 2019. No 14. P. 24–55. In Russian.
- Vygotsky 1986 – Vygotsky L. S. Concrete psychology of a person. *Bulletin of Moscow University*. Issue. 14. Psychology. 1986. No 1. P. 52–65. In Russian.
- Zimmel 2017 – Zimmel G. Selected. Contemplation of life. Moscow: Center for Humanitarian Initiatives, 2017. 400p. In Russian.
- Zinoviev 2001 – Professional credo. My path in science. Interview with Professor A. A. Zinoviev. *Personality. Culture. Society*. 2001. Vol. III. Issue 4 (10). P. 278–334. In Russian.